

ISSN 2072-3636

9 772072 363772 >

№ 3
2022

Администратор суда

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Особенности кассации
в административном
судопроизводстве

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

К вопросу
о процессуальной форме
рассмотрения трудовых споров

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Превратности разбирательств
в отношении судей,
обвиняемых в превышении
своих должностных полномочий
(ч. 2 ст. 286 УК РФ)

юрист
издательская группа

АДМИНИСТРАТОР СУДА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

3

Учредитель: Гриб В.В.

2022

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-81908 от 24 сентября 2021 г. Издается с 2006 г.

В номере:

СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Байдаева А.О. Особенности кассации в административном судопроизводстве 2
- Ракитина Л.Н. Электронное судопроизводство в гражданском процессе 5
- Луконина Ю.А. Цифровая коммуникация в гражданском процессе как один из неотъемлемых сегментов отправления правосудия по гражданским делам 9

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Кульчиков Д.Е. Критерии незаключенности договора займа: пути модернизации правового регулирования и гармонизации судебной практики 13
- Нугманова А.Н. Правовые гарантии прав иностранных инвесторов 16
- Михайлова Е.В. К вопросу о процессуальной форме рассмотрения трудовых споров 20
- Поян Н.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник гражданского права 24

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

- Колоколов Н.А. Превратности разбирательств в отношении судей, обвиняемых в превышении своих должностных полномочий (ч. 2 ст. 286 УК РФ) 29
- Романенко Н.В. Стандарты юридической ответственности судей: эволюция российского законодательства (к 30-летию юбилею Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации») 35

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

- Мехренцева Н.А., Папулова З.А. Российское судостроительное право (исторический аспект) 40

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Илюхина В.А. Межотраслевой принцип языка судопроизводства в российском и армянском праве (сравнительный анализ) 44
- Аминов И.И. Статус судебной практики в системе источников права Туркменистана 49

Главный редактор:

Слюсарь Н.Б., к.ю.н.

Шеф-редактор:

Бабкин А.И., профессор

Редакционный совет:

Голошумов Е.В., к.полит.н.
Колоколов Н.А., д.ю.н., профессор
Трунцевский Ю.В., д.ю.н., профессор
Фоков А.П., д.ю.н., профессор
Шерстюк В.М., д.ю.н., профессор

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ, академик РАО

Заместители главного редактора ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С.,
Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел. (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Вниманию наших авторов!

Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс».

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения редакции или авторов статей преследуется по закону.

Цена свободная.
Формат 170x252.
Печать офсетная.
Физ. печ. л. 5,0.
Усл. печ. л. 5,0.
Общий тираж 3000 экз.
ISSN 2072-3636.
Номер подписан в печать 02.08.2022.
Выход в свет 11.08.2022.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел. (4842) 70-03-37

Особенности кассации в административном судопроизводстве

Байдаева Анжелика Олеговна,

аспирант заочной формы обучения кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия
angelika.bao@yandex.ru

В данной статье автором рассматриваются и анализируются изменения в системе судов общей юрисдикции, сравнивается стадия кассационного обжалования в гражданском и административном судопроизводстве.

Ключевые слова: суды общей юрисдикции, система судов, кассационное производство, кассационные суды, Верховный Суд РФ.

Проведенная в 2018 г. реформа проверочных судебных инстанций изменила систему обжалования судебных актов. На основании ст. 23.1 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» было образовано 5 апелляционных и 9 кассационных судов общей юрисдикции.

Создание структурно самостоятельных кассационных судов общей юрисдикции было обусловлено современными стандартами судебской независимости, согласно которым «совмещение» нескольких судебных инстанций в рамках одного суда может породить сомнения в объективности и беспристрастности судей при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб¹.

Такая система устройства кассационных судов общей юрисдикции была позаимствована из действующей системы отечественных арбитражных судов, анализ деятельности которых показывает успешность отдельно организованных апелляционных и кассационных судов.

Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменил правила производства кассации. Для заинтересованных лиц новое кассационное производство стало более доступным². Процессуальная реформа привела к созданию в отечествен-

ном судопроизводстве судов «первой» и «второй» кассаций, когда выборочная кассация осталась в Верховном Суде Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), а во вновь созданных кассационных судах общей юрисдикции начала действовать сплошная кассация, в том числе по административным делам. Как особенно отмечалось В.В. Момотовым, «одна из концептуальных идей, заложенных в основу судебной реформы, заключается в том, что первоочередная задача кассационных судов общей юрисдикции в рамках первой кассации — это исправление судебных ошибок, а первоочередная задача высшей судебной инстанции — обеспечение единообразия судебной практики»³.

Как верно замечено В.В. Ярковым, «развитие административного судопроизводства происходит на основе „классического“ гражданского, а также арбитражного процесса»⁴, однако следует констатировать, что процессуальные кодексы, невзирая на прикладываемые законодателем усилия, направленные на унификацию судопроизводства, по-прежнему сохранили некоторые особенности.

Согласно действующему административному процессуальному законодательству все кассационные жалобы в «первой» кассации рассматриваются по существу, то есть по модели полной (сплошной) кассации, к тому же Кодекс административного судопроизводства

¹ Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть 1) // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 134–146.

² См. подр.: Яворский Д.Д. Изменения в кассационном производстве в связи с введением кассацион-

ных судов // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2019. № 4–2. С. 35.

³ Момотов В.В. Указ. соч.

⁴ Ярков В.В. Административное судопроизводство: учебник. М.: Статут, 2016.

Российский Федерации (далее — КАС РФ) не регламентирует пределы рассмотрения жалобы судом кассационной инстанции в отличие от Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ). Фактически это способствует реализации принципа процессуальной экономии, так как предполагается, что уже на этой стадии ошибки, допущенные нижестоящими судами, будут устранены. При этом кассационная жалоба в «первую» кассацию должна поступать вместе с делом (выделенным материалом), поскольку в целях сокращения сроков рассмотрения жалоба подается через суд первой инстанции, где хранится административное дело.

В отличие от гражданского судопроизводства, где в случае, если кассационная жалоба по гражданскому делу не соответствует требованиям к ее форме, содержанию, то законодателем предусмотрена возможность оставления жалобы без движения с установлением срока для устранения недостатков, в административном судопроизводстве такой возможности не имеется.

КАС РФ также не предусматривает право обжалования определения о возвращении кассационной жалобы в отличие от закрепленного механизма обжалования такого возврата ГПК РФ и АПК РФ.

КАС РФ не содержит требований о вынесении судьей кассационной инстанции определения о принятии кассационной жалобы к производству в отличие от ГПК РФ и АПК РФ, где установлен срок принятия кассационной жалобы.

Представляется оправданным в целях продолжающейся унификации процессуального законодательства, а также обеспечения реализации права граждан на эффективную судебную защиту в разумные сроки внесение соответствующих изменений в КАС РФ.

Разные принципы гражданского и административного судопроизводства, неравенство сторон в указанных процессах (гражданин — более слабая сторона в публичных правоотношениях), распределение бремени доказывания и т.д., безусловно, должны учитываться при

рассмотрении административных споров в судах⁵.

Как неоднократно отмечал Верховный Суд РФ, «правильное определение вида судопроизводства, в котором подлежат защите права и свободы гражданина или организации, зависит от характера правоотношений, из которых вытекает требование лица, обратившегося за судебной защитой, а не от избранной им формы обращения в суд (подача заявления в порядке административного судопроизводства или искового заявления).

Именно на стадии принятия заявления к производству суда определяется характер спорных правоотношений и процессуальный закон, подлежащий применению, поскольку от этого зависят правила судопроизводства, в том числе распределение между сторонами судебного процесса бремени доказывания⁶.

Как следует из правовой позиции высшего судебного органа страны, судье на стадии принятия административного иска, в котором одновременно содержатся требования по спорам, возникающим из публичных и гражданских правоотношений (из которых одни подлежат разрешению в порядке административного судопроизводства, а другие — в порядке гражданского судопроизводства), на основании п. 1 ч. 1 и ч. 2 ст. 128 КАС РФ следует выносить два определения: одно — об отказе в принятии административного иска в части требований по спору, возникающему из гражданских правоотношений, а второе — о принятии административного иска

⁵ В постановлении по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека обращал внимание на то, что бремя доказывания, возлагаемое на заявителя в судебном разбирательстве по поводу компенсации, не должно быть чрезмерным. От него может потребоваться доказуемое изложение случая жестокого обращения и представление таких доказательств, какие являются легкодоступными, например, подробное описание условий содержания под стражей, показания свидетелей или ответы со стороны надзирающих органов. После этого бремя доказывания переходит к властям, чтобы они могли опровергнуть утверждения о жестоком обращении посредством документальных доказательств, способных продемонстрировать, что условия содержания заявителя под стражей не нарушали ст. 3 Конвенции.

⁶ См., напр.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2017 г. № 69-КГ17-17 // СПС «КонсультантПлюс».

в части требований по спору, возникающему из публичных правоотношений⁷.

Между тем даже принятие специального процессуального закона (КАС РФ) не устранило допускаемые в судебной практике ошибки при определении вида судопроизводства при рассмотрении спора.

Так, отменяя апелляционное определение о прекращении производства по делу по тому основанию, что оно не подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала на то, что до обращения в суд с исковым заявлением Ж.А.Ю. ранее уже предъявлялся административный иск в порядке ст. 218–228 КАС РФ, однако судьей городского суда было отказано в принятии административного искового заявления со ссылкой на то, что разрешение указанного спора осуществляется в порядке гражданского судопроизводства. Проверая законность судебного акта на стадии кассационного обжалования, высший судебный орган обратил внимание нижестоящих судов на необходимость соблюдения требований процессуальной эффективности и экономии в использовании средств судебной защиты, отметив полномочия суда на передачу дела для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства в случае прекращения производства по административному делу, принятому им ошибочно к рассмотрению в порядке КАС РФ. Такое процессуальное решение согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 11 ноября 2014 г. № 28-П⁸.

⁷ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2016 г. № 58-КГ16-9 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2017 г. № 69-КГ17-17.

По другому делу Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ, отменяя судебные акты первой, апелляционной и кассационной инстанций по гражданским делам и направляя дело на новое рассмотрение в порядке административного судопроизводства, обратила внимание нижестоящих судов, что Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившим в силу 27 января 2020 г., в главу 22 КАС РФ введена ст. 227.1, которая регламентирует особенности рассмотрения требований о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительных учреждениях. В этой связи заявленные требования подлежали рассмотрению в порядке административного судопроизводства⁹.

Таким образом, кассация в административном судопроизводстве, как пересмотр судебного решения вышестоящей инстанцией по причинам нарушения законов или несоблюдения правил судопроизводства низшей инстанцией, является необходимым и востребованным способом осуществления судебной защиты и элементом реализации механизма конституционного права на обжалование вступившего в законную силу судебного акта, при этом необходимо внесение соответствующих изменений в КАС РФ для достижения баланса публично-правовых и частноправовых интересов, обеспечения реализации права на эффективную судебную защиту в разумные сроки, а также в целях продолжения унификации процессуального законодательства.

⁹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2021 г. № 45-КАД21-11-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть 1) / В.В. Момотов // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 134–146.
2. Яворский Д.Д. Изменения в кассационном производстве в связи с введением кассационных судов / Д.Д. Яворский // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2019. № 4–2. С. 35.
3. Ярков В.В. Административное судопроизводство : учебник / В.В. Ярков. Москва : Статут, 2016. 559 с.

Электронное судопроизводство в гражданском процессе

Ракитина Любовь Николаевна,

доцент кафедры конституционного, административного и гражданского процесса
Ульяновского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
lar73@mail.ru

Гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации устанавливает судебный порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и других субъектов. Анализ конкретных норм существующего законодательства, судебной практики и позиций ученых показывает некоторое расхождение в подходах к успешно внедряемым сегодня правилам электронного судопроизводства.

В целях систематизации данных правил предлагается анализ и уточнение существующих законодательных и теоретических вариантов использования информационных (цифровых) технологий в гражданском процессе.

Ключевые слова: электронное правосудие, электронное судопроизводство, гражданский процесс, гражданское судопроизводство, судебное разбирательство, система видео-конференц-связи, веб-конференция.

Защита прав и законных интересов граждан, организаций и других субъектов актуальна всегда, особенно в период, когда вокруг меняются жизненные обстоятельства, когда вслед за этим и гражданское процессуальное законодательство стремительно меняется, и в этих условиях необходимо обеспечить разумный баланс частных и публичных интересов. Это, как представляется, и призвано обеспечить активно внедряемое в настоящее время в гражданский процесс электронное судопроизводство.

В самом общем виде электронное судопроизводство означает использование современных информационных технологий при осуществлении правосудия судом.

С точки зрения технической электронное судопроизводство включает в себя несколько важных моментов: во-первых, это общий доступ к информации судебного характера; во-вторых это обращение в суд с использованием информационно-телекоммуникационных возможностей; в-третьих, это возможности самого суда по взаимодействию как с лицами, участвующими в деле, так и с другими органами и лицами через использование тех же информационно-телекоммуникационных технологий; в-четвертых, это возможность проведения судебного разбирательства посредством системы видео-конференц-

связи или веб-конференции; в-пятых, это изготовление судебных документов в электронной форме, включая оцифровку самих судебных дел.

По большому счету именно данные технические аспекты характеризуют то, что сегодня мы называем электронным судопроизводством. Сразу надо сказать, что в юридической литературе встречается использование и другой терминологии, и другой градации самого электронного судопроизводства.

Прежде всего, надо сказать, что некоторое время тому назад более популярной была категория «электронное правосудие», которая использовалась для обозначения внедрения информационно-телекоммуникационных возможностей при осуществлении судебной деятельности¹. Нередко эта категория используется и в настоящее время². Но так ли это правильно? Как верно заметила Ю.А. Жданова, осуществление судебной власти в определен-

¹ Сас В.В. Электронное правосудие как элемент сетевого сообщества: теоретические проблемы // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 103–104; Тищенко А.В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 г. // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 66–67.

² Ярошенко Т.В. Применение информационных технологий в гражданском и арбитражном процессе (электронное правосудие) // Мировой судья. 2021. № 3. С. 34–38.

ной процессуальной форме посредством того или иного судебного производства с использованием инновационных информационных технологий не меняет саму суть правосудия³. Это, безусловно, так. Правосудие, как отмечается в ст. 118 Конституции Российской Федерации⁴, осуществляется только судами, следовательно, это прерогатива государственных судов. В судах эту работу выполняют судьи, назначенные в установленном порядке на занимаемые ими должности. Никакой искусственный интеллект не участвует в отправлении правосудия. Поэтому ни о каком электронном правосудии в чистом виде говорить на сегодняшний день нет никаких оснований. Эту позицию разделяют некоторые ученые. Так, В.А. Пономаренко отмечает: «...активно используемый в отечественной литературе термин „электронное правосудие“ не выдерживает критики ни с логической, ни с процессуально-правовой точек зрения, его применение в научных исследованиях следует признать гносеологически нецелесообразным»⁵. И это правильно.

Вместе с тем существует точка зрения, что искусственный интеллект в будущем мог бы поучаствовать в осуществлении правосудия на каком-то из его этапов. Так, профессор С.Ф. Афанасьев говорит о том, что в последнее время «фокус внимания аналитиков постепенно сдвигается с технологической стороны вопроса в пользу того, что биологический интеллект при осуществлении правосудия может вполне успешно сочетаться с искусственным»⁶. При этом он опирается на Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490⁷, посвященный развитию ис-

кусственного интеллекта в Российской Федерации, где сказано, что искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении определенных задач результаты, сопоставимые как минимум с итогами интеллектуальной человеческой деятельности. Предлагает свои суждения в сфере использования искусственного интеллекта в гражданском процессе и профессор К.Л. Брановицкий⁸, опирающийся в своем исследовании на опыт зарубежных стран. Что же, будущее покажет. Но и сейчас уже можно констатировать, что разнообразные информационные новшества активно внедряются в нашу жизнь, в том числе в судопроизводство, которое только в определенном смысле и можно назвать электронным (или цифровым, поскольку в основе электронного взаимодействия лежит цифра).

Однако было бы неправильно сводить все существующее на сегодняшний день судопроизводство к электронному. От бумажного судопроизводства ведь никто отказываться тоже не собирается, поэтому электронное судопроизводство — это просто современная альтернатива обычному, «бумажному», судопроизводству.

Коротко рассмотрим существующие аспекты использования электронных (цифровых) технологий в современном гражданском судопроизводстве.

Доступ к информации судебного характера на сегодняшний день означает открытость судебной системы в целом. В информационно-телекоммуникационной сети Интернет сегодня можно найти информацию о судебной системе и отдельных судах, а также о судебной практике. В общем виде перечень такой информации содержится в ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информа-

с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2019.

⁸ Брановицкий К.Л. Теоретические проблемы использования технологии искусственного интеллекта в гражданском судебном процессе // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства: монография / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2021.

³ Жданова Ю.А. Правовая природа Электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 80–83.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020

⁵ Пономаренко В.А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции. М., 2015. С. 65.

⁶ Афанасьев С.Ф. О соотношении категорий «электронное правосудие» и «электронное судопроизводство» в контексте юриметрики // Администратор суда. 2021. № 2.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе

ции о деятельности судов в Российской Федерации»⁹. Свои официальные сайты имеют судейские сообщества — квалификационные коллегии судей, советы судей, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, его управления и т.д. Это, безусловно, позволяет гражданам получать полезную для них информацию в любое время.

Информационные технологии облегчают обращение в суд, поскольку сейчас возможна подача различных документов в суд в электронном виде, прежде всего, речь идет об исковом заявлении. Возможность такой подачи была предусмотрена изначально Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее — Закон № 41-ФЗ)¹⁰, который допускал возможность заполнения формы на официальном сайте соответствующего суда, позже возможность подачи искового заявления в форме электронного документа по гражданским делам была уточнена другим законом — Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹ (далее — Закон № 440-ФЗ), исключившим подачу искового заявления путем заполнения бланка на официальном сайте суда, оставив возможность подачи искового заявления лишь на бумажном носителе или в электронном виде. К слову сказать, существует возможность подачи и других документов в суд в электронном виде. Это предусмотрено упомянутым Законом № 41-ФЗ, а также Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности

органов судебной власти»¹² (далее — Закон № 220-ФЗ), который предусмотрел возможность направления участниками процесса различных ходатайств, заявлений, жалоб, представлений и прилагаемых к ним документов в суд в электронном виде. Разумеется, такие документы должны быть подписаны электронной подписью, а в случае заявления ходатайства об обеспечении иска — усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 4 ст. 31 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)¹³).

Важным элементом электронного судопроизводства в гражданском процессе является также существующая ныне возможность для суда не только взаимодействовать с лицами, участвующими в деле, и другими лицами через информационно-коммуникационную сеть Интернет, но и изготавливать судебные документы в электронном виде и направлять их участникам процесса, имеющим право на их получение. Уже упоминавшийся Закон № 220-ФЗ предоставил возможность судам изготавливать судебные акты в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Фактически речь идет о так называемом обратном взаимодействии суда с участниками процесса по гражданскому делу.

Конечно, апогеем информационного судопроизводства в гражданском процессе является возможность проведения судебного разбирательства в режиме видеоконференц-связи или веб-конференции (ст. 155.1, 155.2 ГПК РФ). Первоначально предусматривалось проведение судебных заседаний путем использования видеоконференц-связи, причем только через соответствующий суд или место лишения свободы, если имеются такие технические возможности. Однако пандемийный опыт показал, что проведение судебных заседаний через веб-конференции

⁹ Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 08.12.2020.

¹⁰ Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.03.2015

¹¹ Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2021

¹² Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 23.06.2016

¹³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. от 16.04.2022 № 98-ФЗ) // Российская газета. 2022. 19 апреля.

не менее успешно позволяет оперативно проводить подобные разбирательства. В этой связи Закон № 440-ФЗ уточнил, что лица, участвующие в деле, и другие участники процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования веб-конференции при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в суде технической возможности осуществления веб-конференции. Данный подход позволяет не только выслушать лиц, участвующих в деле, но и исследовать большинство доказательств, за исключением вещественных доказательств. В доктрине гражданского права в этой связи предлагается закрепить некоторые новые принципы исследования доказательств, в частности, дистанционность¹⁴, что, вообще говоря, не лишено смысла.

Изготовление судебных документов и оцифровка гражданских дел — еще одно направление электронного судопроизводства, но оно в большей мере перспективное, поскольку формирование электрон-

ных судебных дел, хотя и ведется, но до полного внедрения системы электронных судебных дел еще далеко.

Таким образом, можно констатировать, что за последние годы в России приняты довольно серьезные шаги в деле развития электронного судопроизводства, сильными сторонами которого являются его доступность, бесплатность и универсальность, что свидетельствует о единстве системы электронного судопроизводства по гражданским делам на всей территории нашей страны. Это, безусловно, способствует эффективности¹⁵ и скорости рассмотрения дел в целях улучшения защиты гражданских прав и свобод граждан, организаций и других субъектов¹⁶, с чем, конечно, нельзя не согласиться, и обеспечивает разумный баланс публичных и частных интересов.

¹⁴ Василькова С.В. Электронное правосудие в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 9.

¹⁵ Смагина Е.С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 51–59.

¹⁶ Ярошенко Т.В. Указ. соч.

Литература

1. Афанасьев С.Ф. О соотношении категорий «электронное правосудие» и «электронное судопроизводство» в контексте юриметрики / С.Ф. Афанасьев // Администратор суда. 2021. № 2. С. 3–6.
2. Брановицкий К.Л. Теоретические проблемы использования технологии искусственного интеллекта в гражданском судебном процессе / К.Л. Брановицкий // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства : монография / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова [и др.] ; под редакцией В.В. Яркова. Москва : Статут, 2021. 458 с.
3. Василькова С.В. Электронное правосудие в гражданском процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.В. Василькова. Саратов, 2018. 25 с.
4. Жданова Ю.А. Правовая природа Электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества / Ю.А. Жданова // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 80–83.
5. Пономаренко В.А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции / В.А. Пономаренко. Москва : Проспект, 2015. 183 с.
6. Сас В.В. Электронное правосудие как элемент сетевого сообщества: теоретические проблемы / В.В. Сас // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 103–104.
7. Смагина Е.С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки / Е.С. Смагина // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 51–59.
8. Тищенко А.В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году / А.В. Тищенко // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 65–69.
9. Ярошенко Т.В. Применение информационных технологий в гражданском и арбитражном процессе (электронное правосудие) / Т.В. Ярошенко // Мировой судья. 2021. № 3. С. 34–38.

Цифровая коммуникация в цивилистическом процессе как один из неотъемлемых сегментов отправления правосудия по гражданским делам

Луконина Юлия Андреевна,
старший юрист Агентства интеллектуальной собственности «Компания „ЗНАКОВ“»,
преподаватель кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия
julia-lukonina@mail.ru

В статье рассматривается трансформация отдельных сегментов цивилистической процессуальной формы на примере коммуникации субъектов цивилистического процесса. Автор анализирует нововведения цифровой коммуникации применительно к трем аспектам взаимодействия лиц, участвующих в деле, и суда как обязательного субъекта процессуальных отношений. Прежде всего, отмечаются цифровые новации в коммуникации сторон, а именно возможности электронного обмена юридически значимыми сообщениями с помощью электронной почты и мессенджеров. С опорой на судебную практику электронная переписка сторон рассматривается автором в качестве надлежащего доказательства по делу. Во-вторых, автор апеллирует к межведомственному взаимодействию государственных органов на электронном уровне. Особый акцент делается на возможностях судебной системы направлять запросы в государственные органы в электронной форме. Автор предлагает аналогичным образом расширить сферы электронно-цифрового взаимодействия внутри судебной системы. В-третьих, автор затрагивает горизонталь «суд — участники цивилистического процесса». В этой связи рассматривается диалектика цифровых новаций в цивилистических процессуальных отношениях суда и лиц, участвующих в деле. На первое место выходят элементы электронного документооборота. Также отмечаются новации 2022 г., связанные с возможностями подачи документов через «Госуслуги», отмечается проведение законодателем нормативно-правовой регламентации порядка извещения участников судебного процесса с помощью технических средств связи. Автор обращает внимание на новеллы дистанционного рассмотрения и разрешения гражданских дел с использованием веб-конференций.

Ключевые слова: цивилистическая процессуальная форма, цифровизация, электронный документооборот, электронное извещение, видео-конференц-связь, веб-конференции.

В XXI в. информация занимает центральное место в жизни общества и государства. Обмен юридически значимыми сведениями происходит как непосредственно во время живого общения, так и на виртуальном уровне. Перед участниками цивилистических правоотношений расширяются границы возможного коммуникационного взаимодействия. Последнее происходит преимущественно в силу диалектики информационно-коммуникационных технологий в условиях развития цифровой экономики в России.

В настоящее время коммуникация в гражданском обороте переходит на цифровой уровень, когда информация передается удаленно по электронным каналам связи. Средствами такой коммуникации

становятся не только почтовые пересылки юридической документации и электронные почтовые ящики, указания на которые все чаще появляются в условиях гражданско-правовых договоров¹, но и электронные платформы², а также мессенджеры³, в том

¹ Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 1 июня 2021 г. по делу № А65-3995/2021; Решение Арбитражного суда Тюменской области от 4 июня 2021 г. по делу № А70-6033/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2020 г. по делу № А65-12225/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 28 мая 2021 г. по делу № А32-9056/2019; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 июня 2021 г. по делу № 65-12251/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

числе базирующиеся на технологии «блокчейн», когда в роли транзакции в рамках децентрализованной системы выступают сами сообщения.

Новации в гражданских отношениях постепенно начинают оказывать влияние на процессуальные связи их участников. Субъекты гражданских процессуальных отношений, используя электронные средства коммуникации в реализации гражданско-правовых конструкций, распространяют возможность их применения на процедуру урегулирования гражданско-правового спора в суде. Как следствие, коммуникация при отправлении правосудия по гражданским делам аналогичным образом постепенно переходит на «цифровые рельсы», что находит свое отражение в следующих направлениях реализации права на судебную защиту в судах общей юрисдикции и системе арбитражных судов, включая Суд по интеллектуальным правам (г. Москва).

Во-первых, цифровая коммуникация активно проявляется в отношениях между сторонами гражданско-правового спора. Например, в заключаемых между собой договорах участники гражданского оборота предусматривают положение о том, что надлежащим способом связи между ними будет считаться обмен информацией по электронной почте. По прямому указанию п. 4 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в отношении условий договора предусмотрено диспозитивное регулирование их определения сторонами. Последнее свидетельствует о том, что в случае возникновения спора стороны получают право ссылаться на условия заключенного ими договора, то есть на взятые ими в силу договора обязательства. Из этого следует вывод о том, что обмен юридически значимой информацией по электронной почте, указанной в договоре, может рассматриваться в качестве договорного обязательства и должно быть исполнено сторонами надлежащим образом (ст. 309 ГК РФ). Как следствие, у сторон возникает возможность осуществления электронной коммуникации, которая может быть рассмотрена в качестве надлежащего способа обмена информацией. Неслучайно в трудовых правоотношениях суды начали активно принимать электронную переписку в качестве надлежащего доказательства по трудовым спорам. Так, Челябинский областной суд рассмотрел электронную коммуникацию работника с руководством

в мессенджере как достаточное доказательство договоренности о предоставлении отгула⁴. А Саратовский областной суд признал увольнение незаконным из-за отказа руководителя принять заявление об отгуле по электронной почте⁵.

Вышеизложенное говорит о том, что в современных реалиях стремительного развития удаленных средств связи и в условиях пандемии COVID-19 стороны в большинстве случаев отдают предпочтение электронным способам обмена информацией, а суды начинают признавать свидетельства их осуществления надлежащим доказательством по делу. Но это, как показывает практика, не влечет автоматического признания электронной коммуникации на процессуально-правовом уровне, поскольку претензионный порядок урегулирования спора, а также направление процессуальных документов по удаленным каналам связи все еще остается для судов «ненадлежащим». Об этом свидетельствует, например, практика Седьмого кассационного суда общей юрисдикции, который в одном из своих определений при рассмотрении факта направления жалобы стороне спора по электронной почте настаивает на невозможности определения принадлежности соответствующих адресов их адресатам как участникам спорного правоотношения⁶. В то же время Верховный суд Удмуртской Республики занимает диаметрально противоположную позицию, апеллируя к тому, что указание в предоставленном оригинале договора адресов электронной почты является достаточным для того, чтобы установить их принадлежность сторонам⁷.

Между тем возможность применения электронных средств коммуникации на процессуальном уровне значительно бы упростила гражданскую процессуальную процедуру. Прежде всего, такое решение нивелировало бы риски нагромождения процессуальными действиями этап возбуждения производства по делу, освободив

⁴ Определение Челябинского областного суда от 8 апреля 2019 г. по делу № 11-4171/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Апелляционное определение Саратовского областного суда от 28 июня 2018 г. по делу № 33-4779/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июля 2020 г. по делу № 88-12014/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 26 августа 2020 г. по делу № 33-3355/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

истца или в случае подачи жалобы заявителя от необходимости направления процессуальных документов в печатном виде или с помощью ЭЦП. Однако на сегодняшний день наблюдается противоречие между возможностями электронной коммуникации в материально-правовых отношениях и ее нерелевантностью в процессуально-правовом аспекте, который, как предполагается, должен отражать материальные сферы, будучи их логическим продолжением в случае возникновения спора. Такой же позиции придерживается Н.А. Батурина, настаивая на том, что в условиях цифровизации правосудия снижение нагрузки на судебную систему в отношении направления документов лицам, участвующим в деле, должно решаться более современными и прогрессивными методами — с помощью технологий нового поколения⁸.

Во-вторых, элементы цифровой коммуникации могут быть внедрены во взаимодействие между судами. В системе отправления правосудия довольно давно действует межведомственное электронное взаимодействие⁹. Суды вправе направлять запросы во многие государственные органы в электронной форме, что позволяет им оперативно получать необходимую для рассмотрения и разрешения дела по существу информацию. При этом направлять материалы дел в электронной форме на законодательном уровне суды все еще не правомочны, что говорит о прямом противоречии между имеющимися в распоряжении судов цифровыми технологиями и регламентирующими их применение правовыми нормами. При этом в условиях территориальной отдаленности судов первой, второй и третьей инстанций электронная коммуникация стала бы одним из преимуществ в сокращении процессуальных сроков в гражданском процессе, поскольку избавила бы суды от необходимости обращения к «транспортному аспекту» передачи информации.

В-третьих, цифровая коммуникация напрямую связывает горизонталь процессу-

альных отношений «суд — участники гражданского процесса».

С 1 января 2017 г. в России появилась возможность направления в суд заявлений в электронном виде¹⁰. Для электронной подачи документов в суды необходимо воспользоваться личным кабинетом ГАС «Правосудие» или сервиса «Мой арбитр». Доступ можно получить двумя способами: во-первых, посредством подтверждения учетной записи в ЕСИА; во-вторых, с помощью получения усиленной квалифицированной электронной подписи. С 1 января 2022 г. процессуальные документы могут быть поданы в суд в электронном виде через «Госуслуги» либо через официальную информационную систему или систему электронного документооборота¹¹.

Также законодателем был регламентирован порядок извещения участников судебного процесса с помощью технических средств связи. С 2012 г. суды начали признавать надлежащим извещение участников процесса посредством СМС-сообщений. В конце 2017 г. суды получили возможность извещать участников процесса посредством электронной почты. С 2022 г. появилась возможность получать судебное извещение в электронном виде посредством ЕПГУ либо системы электронного документооборота с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Время вручения такого извещения адресату фиксируется средствами соответствующей информационной системы, а согласие может быть получено с помощью функционала самого портала путем выражения согласия на уведомление посредством ЕПГУ.

Порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел по существу аналогичным образом претерпел изменения. Безусловно, до событий, связанных с пандемией COVID-19, гражданскому процессу было известно дистанционное участие в заседании суда. Однако в качестве такого инструмента правосудия выступала видеоконференц-связь (ст. 153.1 Арбитражного

⁸ Батурина Н.А. К вопросу о направлении копий искового заявления и приложенных к нему документов лицам, участвующим в деле // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 47.

⁹ Епифанова А. Интернет-интервью с А.В. Гусевым, генеральным директором Судебного департамента при Верховном Суде РФ: «Развитие и совершенствование информационных технологий в деятельности российских судов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/gusev2/> (дата обращения: 17.03.2022).

¹⁰ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1 (часть I). Ст. 9.

процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), 155.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)). Между тем 2020 г. внес свои коррективы, переведя судебное заседание на «цифровые рельсы». Так, например, 26 марта 2020 г. в Республике Татарстан Вахитовский районный суд г. Казани рассмотрел дело с помощью Skype¹². Примеры реализации возможностей программного обеспечения удаленной связи в судебной системе получили свой резонанс, вследствие чего в 2022 г. появился легальный инструмент удаленной связи при отправлении правосудия по гражданским делам — веб-конференции в судебной системе. Сегодня в силу ст. 153.2 АПК РФ и 155.2 ГПК РФ участники гражданского процесса могут ходатайствовать об участии в открытом судебном заседании дистанционно при наличии в суде технической возможности для осуществления веб-конференции. Установление личности осуществляется с помощью единой системы идентификации и аутентификации, единой биометрической системы. По аналогии с режимом видео-конференц-связи в судах понятие технической возможности и указание на момент подачи ходатайства на легальном уровне на данный момент в процессуальном законе отсутствует.

Как справедливо отмечает С.Ф. Афанасьев, «видео-конференц-связь и веб-конференция пока могут выступать не основными, а исключительно дополнительными инструментами электронной коммуникации органа правосудия и лиц,

участвующих в деле»¹³. Действительно, цивилистическая процессуальная форма является многогранным, исторически сложившимся явлением процессуальной действительности, и кардинальное ее изменение может не только создать противоречие в механизме реализации процессуальных норм, но и нарушить руководящие начала цивилистического процесса, например, такие базовые принципы отрасли права, как непосредственность и гласность судебного разбирательства. Последнее, однако, не исключает возможность дальнейшего развития систем удаленной связи при отправлении правосудия по гражданским делам, а лишь подчеркивает особую актуальность разработки плацдарма для законодательных инициатив.

Таким образом, с появлением технологий нового поколения цивилистическая процессуальная форма начала стремительно развиваться, совершенствуя свои институты. Тенденции цифровой трансформации наблюдаются практически во всех ее сегментах. Субъектов цивилистического процесса начинают связывать не только процессуальные связи, но и их материальное выражение — коммуникативные связи, которые сегодня в цивилистическом процессе проявляются в качестве инновационных цифровых инструментов информационного обеспечения отправления правосудия по гражданским делам — электронного документооборота и взаимодействия, цифрового извещения и дистанционного рассмотрения и разрешения дел.

¹² Постановление Вахитовского районного суда г. Казани от 26 марта 2020 г. по делу № 5-385/2020 (16RS0046-01-2020-000436-91). URL: <http://vahitovsky.tat.sudrf.ru/> (дата обращения: 17.03.2022).

¹³ Афанасьев С.Ф. К вопросу о применении дистанционных технологий по гражданским и административным делам в контексте принципов состязательности и равноправия сторон // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 141–147.

Литература

1. Афанасьев С.Ф. К вопросу о применении дистанционных технологий по гражданским и административным делам в контексте принципов состязательности и равноправия сторон / С.Ф. Афанасьев // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 141–147.
2. Батурина Н.А. К вопросу о направлении копий искового заявления и приложенных к нему документов лицам, участвующим в деле / Н.А. Батурина // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 42–47.
3. Епифанова А. Интернет-интервью с А.В. Гусевым, генеральным директором Судебного департамента при Верховном Суде РФ: «Развитие и совершенствование информационных технологий в деятельности российских судов» / А. Епифанова // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/gusev2/> (дата обращения: 17.03.2022).

Критерии незаключенности договора займа: пути модернизации правового регулирования и гармонизации судебной практики

Кульчиков Дмитрий Евгеньевич,

преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
Орловского юридического института

Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук
coolchikov@inbox.ru

В статье проведен системный анализ действующего законодательства, общепринятой судебной практики и различных доктринальных подходов критериев признания договора займа незаключенным.

В результате исследования доказано, что действительное заемное обязательство и его условия должны быть подтверждены не только допустимыми (письменными) доказательствами, прямо отражающими его субъектный состав, предмет и документ, удостоверяющий получение займа, но и фактическими действиями займодавца по передаче предмета договора заемщику.

В настоящее время сложилась единая судебная практика признания договора займа незаключенным в случае нарушения существенных условий о предмете обязательства, отсутствия доказательств заключения договора или передачи займа, а также иных условий, которые стороны в договоре отнесли к существенным.

Ключевые слова: договор займа в электронной форме, электронная цифровая подпись, объекты гражданских прав, цифровые титульные знаки, заемщик, займодавец, должник, кредитор, незаключенность договора займа.

В современных условиях рыночной экономики России институт займа приобретает особое значение как один из важнейших инструментов финансовой стабильности общества, обеспечивающих сдерживание такого дестабилизирующего фактора экономики, как снижение спроса.

Рост потребительского спроса на фоне уверенной динамики доходов и повышенных инфляционных ожиданий в 2021 г. способствовал росту портфеля микрозаймов на 32%, до 329 млрд руб. Рост портфеля сопровождался ростом доли среднесрочных и долгосрочных займов в структуре выдач.

На фоне роста технологичности сектора ускорилось повышение доли онлайн-займов. В сегменте PDL доля выдач онлайн-займов в денежном выражении выросла за год с 75 до 87%, а в сегменте PL (включая POS) — с 22 до 41%. Доля просроченной задолженности NPL90+ в портфелях МФО незначительно выросла (до 29,6%), а показатель ранней просрочки (NPL1–90) стабилизировался и составил около 10%¹.

¹ Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов за 2021 год : информационно-аналитический материал // Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru>

Рост долговых обязательств граждан привел к увеличению количества дел о взыскании задолженности по договору займа и кредитному договору, рассмотренных судами общей юрисдикции.

Так, в 2019 г. количество дел о взыскании задолженности по договору займа, кредитному договору увеличилось на 3,1% и составило 529,4 тыс. дел, или 19,1%, в структуре окончанных районными судами гражданских дел (2018 г. — 513,4 тыс. дел)². Число дел данной категории в 2020 г. снизилось до уровня 2019 г. и составило 529,5 тыс. дел, или 22%, в структуре окончанных районными судами гражданских дел³.

Вышеуказанные статистические данные обосновывают высокую значимость обеспечения баланса интересов заемщика

² Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru>

³ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru>

и займодавца, который возможно установить путем идентификации критериев незаключенности договора займа в целях обеспечения и защиты интересов каждой из сторон.

Российское гражданское законодательство договор займа относит к числу как реальных, так и консенсуальных сделок, так как в диспозиции п. 1 ст. 807 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)⁴ закреплено, что займодавец передает или обязуется передать в собственность заемщика предмет займа. При этом в случае если займодавцем является гражданин, данный договор может быть заключен только по модели реальной сделки.

Следует согласиться с мнением В.В. Витрянского о том, что законодатель отказался от традиционного регулирования договора займа в качестве исключительно реальной сделки, как это имело место в течение многих десятилетий. Стороны могут заключать договоры займа и по модели консенсуального договора, когда займодавец не выдает предмет займа заемщику, а лишь принимает на себя обязательство по его выдаче⁵.

Действующее гражданское законодательство, не ограничивая свободу исполнения консенсуального договора займа, предоставило заемщику право полностью или частично отказаться от получения займа. Для этого ему необходимо уведомить об этом займодавца до установленного договором срока передачи предмета займа, а если такой срок не установлен, то в любое время до момента получения займа, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором. При этом займодавец может воспользоваться указанным правом только при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленный заем не будет возвращен в срок.

По нашему мнению, несмотря на вышеуказанную правовую конструкцию договора, обязательство заемщика по возврату займа возникает только после получения от займодавца предмета обязательства, что указывает на исключительно реальный характер его возникновения.

В соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем его существенным условиям. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Буквальное толкование ст. 807 ГК РФ позволяет утверждать, что предметом займа могут являться вещи и ценные бумаги, определенные родовыми признаками. В отличие от индивидуально-определенных, родовые вещи и ценные бумаги не имеют индивидуальных признаков, а определяются количественно и характеризуются единством общих признаков.

Анализ судебной практики показывает единообразие в признании судами договора займа незаключенным в случае нарушения условия о родовой принадлежности вещей или ценных бумаг, выступающих предметом займа⁶.

Помимо вышеуказанного существенно-го условия договора следует также отметить ограниченный перечень объектов гражданских прав, которые могут выступать предметом данной сделки: деньги (российские рубли и иностранная валюта), валютные ценности, вещи, определенные родовыми признаками, и ценные бумаги (ст. 140, 141, 317, 807 ГК РФ).

Несмотря на то что перечень объектов гражданских прав расширен цифровыми (ст. 141.1 ГК РФ)⁷, виртуальные денежные единицы не являются юридически признанными средствами платежа, поскольку каждый эмитент использует собственные виртуальные денежные средства, которые не предусмотрены действующим законодательством.

Так, Санкт-Петербургский городской суд, оставляя в силе решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении ис-

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.01.2022) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2020. № 52 (часть I). Ст. 8602.

⁵ Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. С. 332.

⁶ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 июля 2020 г. по делу № 88-10928/2020 // Официальный сайт Седьмого кассационного суда общей юрисдикции. URL: <http://7kas@sudrf.ru>

⁷ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

ковых требований о взыскании задолженности по договору займа, разъяснил, что виртуальные денежные средства не могут выступать предметом данного договора в качестве денег или в качестве вещей, определенных родовыми признаками, поскольку они не являются предметами материального мира и не существуют в физически осязаемой форме⁸.

Таким образом, цифровые титульные знаки не могут являться предметом займа, а нарушение данного императивного условия влечет признание договора незаключенным.

Обязательным условием подтверждения заключения договора займа и его условий является расписка заемщика или иной документ, удостоверяющий передачу ему займодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей (п. 2 ст. 808 ГК РФ).

Буквальное толкование вышеуказанной нормы права показывает, что документ, подтверждающий передачу предмета займа, должен оформляться отдельно от договора и содержать сведения о реквизитах договора, так как в противном случае данная сделка может быть признана судом незаключенной⁹.

На незаключенность договора займа также указывает непредоставление займодавцем в суд оригинала договора займа и документа, подтверждающего передачу денежных средств, так как светоткопии и дубликаты данных документов являются недопустимыми доказательствами¹⁰. Этот правовой подход согласуется не только с процессуальными требованиями к письменным доказательствам, закрепленным в п. 2 ст. 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹¹, но

и с положением ст. 408 ГК РФ, согласно которой, если должник выдал кредитору в удостоверение обязательства долговой документ, то кредитор, принимая исполнение, должен вернуть этот документ, а при невозможности возвращения указать на это в выдаваемой им расписке. Расписка может быть заменена надписью на возвращаемом долговом документе. Нахождение долгового документа у должника удостоверяет, пока не доказано иное, прекращение обязательства.

Помимо вышеуказанных пороков оформления заемных обязательств договор займа также может быть признан незаключенным на основании п. 1 ст. 807 и п. 2 ст. 808 ГК РФ в следующих случаях:

— если в расписке отсутствуют ссылки на заемные обязательства между спорящими по делу сторонами¹²;

— если содержание расписки не позволяет сделать вывод о воле сторон на заключение договора займа в связи с отсутствием условия о возвратности полученных денежных средств¹³;

— если займодавцем не представлены относимые и допустимые доказательства, подтверждающие факт передачи заемщику денежных средств¹⁴.

Дополнение гражданского законодательства (абз. 2 п. 1 ст. 160 и п. 2 ст. 434 ГК РФ) правом заключения договора с помощью электронных либо иных технических средств не могло не отразиться на судебной практике. Следует выделить следующие критерии признания незаключенным договора займа в форме электронного документа:

— если займодавец не докажет вид подписи (простая, усиленная неквалифицированная или усиленная квалифицированная), которая была использована при подписании заявки и договора, а также не предоставит саму подпись в электронном

⁸ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 4 декабря 2018 г. № 33-24679/2018 по делу № 2-4053/2018 // Официальный сайт Санкт-Петербургского городского суда. URL: <http://sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru>

⁹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15 апреля 2016 г. № Ф01-1151/2016, Ф01-1169/2016 по делу № А82-10489/2015 // Официальный сайт Арбитражного суда Волго-Вятского округа. URL: <https://fasvo.arbitr.ru>

¹⁰ Апелляционное определение Ростовского областного суда от 6 июля 2016 г. по делу № 33-11150/2016 // Официальный сайт Ростовского областного суда. URL: <http://oblsud.ros.sudrf.ru>

¹¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5071.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 5-КГ20-120-К2 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsr.ru/lk/practice/acts>

¹³ Апелляционное определение Московского городского суда от 18 марта 2019 г. по делу № 33-11934/2019 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs>

¹⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 18 февраля 2019 г. по делу № 33-7875/2019 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs>

виде и сведения об удостоверяющем ее центре, а заемщик представит доказательства того, что абонентские номера, указанные в электронной заявке на получение займа и в заявке на открытие электронного кошелька, на который была переведена сумма займа, ему не принадлежат¹⁵;

— если кредитор не докажет факт регистрации должника на сайте и принадлежность номера телефона, на который была отправлена электронная подпись, а должник предоставит доказательства того, что банковская карта, на которую были перечислены денежные средства по договору, ему не принадлежит¹⁶.

¹⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 декабря 2018 г. по делу № 33-55862/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs>

¹⁶ Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 7 февраля 2019 г. по делу № 33-767/2019 // Официальный сайт Ленинградского областного суда. URL: <http://oblsud.lo.sudrf.ru>

Литература

1. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В.В. Витрянский. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Статут, 2018. 528 с.

Рассмотренная судебная практика признания договора займа незаключенным в полной мере соответствует официальной правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой именно займодавец заинтересован в обеспечении надлежащих доказательств, подтверждающих заключение договора, и в случае возникновения спора на нем лежит риск недоказанности соответствующего факта¹⁷.

Проведенным исследованием доказано, что договор займа может быть признан судом незаключенным в случае нарушения юридических критериев о предмете обязательства, непредоставления кредитором доказательств заключения договора или получения должником займа, а также иных условий, которые стороны в договоре отнесли к существенным.

¹⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. 25.11.2015 Президиумом Верховного Суда Российской Федерации) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 3 ; 4.

DOI: 10.18572/2072-3636-2022-3-16-19

Правовые гарантии прав иностранных инвесторов

Нугманова Алия Наилевна,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
aliyan777@yandex.ru

Цель исследования состоит в проведении анализа международных и национальных прав иностранных инвесторов на территории государств-реципиентов. В качестве рабочей гипотезы нами выдвигается положение о том, что эффективность гарантий прав международных инвесторов напрямую зависит от положений договоров, которые приняты государствами-реципиентами. Результатами исследования являются положения о том, что с целью обеспечения защиты осуществляемой инвестиционной деятельности международные инвесторы наделены полномочием на обращение в специализированные органы для урегулирования конфликта. При этом перечень указанных организаций ограничен, так как их деятельность распространяется только на принявшие данный нормативно-правовой акт государства, что затрудняет реализацию прав иностранными инвесторами.

Ключевые слова: правоотношения в сфере инвестиций, иностранные инвесторы, права и интересы, правовые гарантии, международные договоры и соглашения.

С целью создания благоприятных условий для осуществления международной инвестиционной деятельности требуется создание определенных правовых гарантий,

которые будут являться основой и опорой для международных инвесторов.

В научной литературе существуют различные позиции понимания правовых

гарантий. Так, по мнению А.В. Лошкарева, под правовыми гарантиями понимаются правовые средства, нашедшие свое отражение в нормах закона, позволяющие реализовывать иные правовые отношения¹. Стоит согласиться с его мнением, так как именно правовые гарантии позволяют международным инвесторам быть уверенными в защите осуществляемой ими деятельности.

Исходя из рассмотренного нами понятия, сделаем вывод о том, что любые правовые гарантии должны быть предписаны законом. Отметим, что международная инвестиционная деятельность осуществляется как в рамках национального, так и международного законодательства, соответственно, и правовые гарантии прав международных инвесторов нашли свое отражение в них. В связи с чем все правовые гарантии будут рассмотрены в пределах классифицированных групп: национальные правовые гарантии и правовые гарантии, предписанные международным правом.

Для начала рассмотрим закрепление правовых гарантий в национальном праве. Так, основным источником таких гарантий выступают Конституции стран, так как в них содержатся основные положения функционирования государств. Например, согласно положениям Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) определено, что права человека и гражданина гарантируются в соответствии с международным законодательством и действующими положениями Конституции РФ². Аналогичное закрепление гарантий прав личности есть и, например, в Конституции Китайской Народной Республики («Государство гарантирует права и свободы всех национальных меньшинств»)³.

Анализ правовой доктрины позволил выделить следующие правовые гарантии, которые подразделены на общие и специальные:

— к числу общих правовых гарантий относятся социальные, политические и экономические гарантии. Социальные гарантии призваны обеспечить признание международных инвесторов как субъектов правоотношений, экономические гарантии определяют стабильность получения прибыли от международных инвестиций, политические же обеспечивают безопасность инвестиционной деятельности от внешних политических угроз;

— специально-правовые гарантии формируются следующими событиями: совершенствование законодательства в сфере международных инвестиций, мероприятия, направленные на выявление нарушений прав международных инвесторов, меры защиты реализуемых инвесторами прав и интересов, меры ответственности в случае нарушения прав международных инвесторов, мероприятия, позволяющие организовать контроль и надзор за соблюдением прав инвесторов на международной арене, и профилактика правонарушений в сфере международных инвестиций.

Рассматривая национальное законодательство, обеспечивающее гарантии прав международных инвесторов, отметим, что оно создано для регулирования правоотношений между субъектами международных инвестиций (иностранными инвесторами и государствами-реципиентами, под которыми понимаются государства, на территории которых находится объект инвестирования⁴). При этом иностранные инвесторы выступают в роли субъектов международного частного права, так как реализуют свои идеи на территории иностранного государства с целью его экономического развития и стабильности. При этом круг инвестиций регулируется законом, не допускаются международные инвестиции в сфере стратегически важных направлений экономического развития ввиду обеспечения безопасности государства и его целостности.

Рассмотрим иное национальное законодательство на примере Российской Федерации. Помимо Конституции РФ вопросы гарантий прав международных инвесторов регулируются, например, положениями гражданского законодательства (так, обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности

¹ Лошкарев А.В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 9.

² Конституция Российской Федерации (с изм. и доп. на 14.03.2020 № 1-ФКЗ) (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 19.03.2022).

³ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1 (дата обращения: 19.03.2022).

⁴ Богатырев А.Г. Правовое регулирование инвестиционных отношений (вопросы теории и практики). М.: Экон-информ, 2018. С. 9.

граждан и юридических лиц (национализация), производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков (ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)), при этом нормы ст. 235 ГК РФ отсылают к ст. 306 ГК РФ, содержащей гарантии возмещения убытков и стоимости имущества со стороны государства)⁵.

Следующим правовым гарантом прав международных инвесторов являются отдельные федеральные законы. На основании такого специально созданного законодательства определены основные гарантии прав международных инвесторов, к которым относятся обеспечение инвестиционной деятельности и получение прибыли с ее осуществления⁶.

Аналогичное специальное законодательство, определяющее правовые гарантии международных инвесторов, издается и в иных государствах, например в Республике Беларусь законом обеспечиваются правовые гарантии международных инвесторов и организация их деятельности на территории государства⁷.

Таким образом, в рамках национально-го законодательства предусмотрены общие и специальные гарантии осуществления международных инвестиций. Наряду с ними важную роль играют также компенсационные гарантии и гарантии по обеспечению надлежащего разрешения спора.

Следовательно, национальные гарантии прав инвесторов заключаются в установлении обязанностей для государств-реципиентов с целью создания благоприятных условий для осуществления инвестиционной деятельности иностранных инвесторов.

Далее перейдем к рассмотрению гарантий прав иностранных инвесторов, закрепленных в международном праве. Международно-правовые гарантии аналогично национальным рассмотрим в рамках двух групп: общих и специальных.

Общие гарантии закреплены в общепринятых и ратифицированных нормативных документах, регулирующих вопросы обеспечения жизнедеятельности человека. Например, все люди равны перед законом и равно имеют право на защиту своих прав⁸ или обеспечение подготовки, путей и методов достижения неуклонного экономического и социального развития, гарантирующего экономические свободы человека⁹.

Специальные же гарантии находят свое отражение в иных нормативных документах. Так, на международном уровне регулируется вопрос разрешения споров в сфере международных инвестиций¹⁰. В Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств рассматриваются цели и задачи международного инвестирования. В рамках данной Конвенции предусмотрено международное сотрудничество для осуществления целей экономического развития путем международных инвестиций. Другой специальной гарантией, предусмотренной нормами международного права, выступает защита международных инвесторов от некоммерческих рисков. Органом, призванным защищать международных инвесторов, выступает Многостороннее агентство по гарантиям инвестиций.

Таким образом, международное право своей целью видит регулирование процесса международных инвестиций путем предоставления гарантий инвесторам с целью защиты из деятельности в государствах-реципиентах.

Рассмотрев национальные и международные инвестиции, нельзя не отразить систему мер, направленных на реализацию гарантий прав международных инвесторов. Данные мероприятия на основе проанали-

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.03.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

⁷ Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях». URL: http://www.ved.gov.ru/rus_export/partners_search/torg_exp/?action=showproduct&id=3771 (дата обращения: 19.03.2022).

⁸ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

⁹ Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

¹⁰ Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (ИКСИД/ICSID) (заключена в г. Вашингтоне 18.02.1965) // Защита иностранных инвестиций в Российской Федерации (документы и комментарии). Библиотечка журнала «Вестник ВАС РФ». Специальное приложение к № 7, июль 2001 г. М.: ЮРИТ-Вестник. 2001. С. 74–92. (Конвенция вступила в силу 14.10.1966.)

зированных нами международных нормативных правовых актов осуществляются различными международными организациями, рассмотрим их.

Рассмотрим деятельность многостороннего агентства по гарантиям инвестиций, созданного в соответствии с Сеульской конвенцией¹¹. Целью создания данной правовой организации считается выполнение функций страхования международных инвестиций от политического воздействия¹².

Поддержим мнение Н.Н. Вознесенской, которая основной задачей созданного Агентства считает стимулирование потоков инвестиций между государствами, и особенно в развивающихся странах¹³.

Указанная организация предоставляет следующие правовые гарантии защиты прав иностранных инвесторов от политического воздействия: ущерб в ходе войны и массовых беспорядков, экспроприации и перевода валюты.

Следующей международной организацией, обеспечивающей гарантии прав

инвесторов, выступает Международный центр по урегулированию инвестиционных споров. Нетрудно догадаться о цели его создания. Так, ею выступает предоставление гарантий в сфере решения возникших споров между инвесторами и государствами, принимающими инвестиции у себя в государстве.

В рамках работы нами определено, что гарантии прав иностранных инвесторов регулируются национальным и международным правом, что, несомненно, порождает проблему взаимодействия. Так, в случае если государство принимает и присоединяется к международному договору, содержащему в себе вопросы инвестирования в международной сфере, оно возлагает на себя обязанность по приведению своего законодательства в соответствие с международным.

Таким образом, гарантиями прав международных инвесторов выступают положения национального и международного права, регулирующие правоотношения между инвесторами и государствами-реципиентами, с целью обеспечения защиты осуществляемой инвестиционной деятельности. Для защиты своих прав международные инвесторы наделены полномочием на обращение в специализированные органы для урегулирования конфликта. При этом перечень указанных организаций ограничен, так как их деятельность распространяется только на принявшие данный нормативно-правовой акт государства, что затрудняет реализацию прав иностранными инвесторами.

¹¹ Hoekman B., Saggi K. Hoekman B. Multilateral Disciplines for Investment-Related Policies // Policy Research Working Paper Series 2138. Washington, DC : World Bank, Development Research Group, Trade, 1999.

¹² Колесникова О.В. Международно-правовой механизм страхования иностранных инвестиций от политических рисков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 11.

¹³ Вознесенская Н.Н. Иностранные инвестиции: Россия и мировой опыт (сравнительно-правовой комментарий). М. : Контракт: ИНФРА-М, 2019. С. 52.

Литература

1. Богатырев А.Г. Правовое регулирование инвестиционных отношений (вопросы теории и практики) / А.Г. Богатырев. Москва : Экон-информ, 2018. 177 с.
2. Вознесенская Н.Н. Иностранные инвестиции: Россия и мировой опыт (сравнительно-правовой комментарий) / Н.Н. Вознесенская. Москва : Контракт: ИНФРА-М, 2019. 220 с.
3. Колесникова О.В. Международно-правовой механизм страхования иностранных инвестиций от политических рисков : автореферат диссертации кандидата юридических наук / О.В. Колесникова. Москва, 2010. 42 с.
4. Лошкарев А.В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Лошкарев. Краснодар, 2009. 26 с.

References

1. Hoekman B. Multilateral Disciplines for Investment-Related Policies / B. Hoekman, K. Saggi // Policy Research Working Paper Series 2138. Washington, DC : World Bank, Development Research Group, Trade, 1999. 29 p.

К вопросу о процессуальной форме рассмотрения трудовых споров

Михайлова Екатерина Владимировна,

исполняющий обязанности заведующего сектором процессуального права
Института государства и права Российской академии наук,
доктор юридических наук, доцент
e.v.mihailova@bk.ru

В статье рассматривается проблема определения надлежащей процессуальной формы защиты трудовых прав. Обосновывается, что природа нарушенного права, которая может быть частной или публичной, определяет применимый процессуальный порядок рассмотрения и разрешения соответствующего дела. Трудовые правоотношения характеризуются публично-правовым началом, что отличает их от гражданско-правовых отношений. Сделан вывод о том, что трудовые споры должны рассматриваться по правилам административного судопроизводства и не могут передаваться в третейские суды.

Ключевые слова: трудовые споры, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, третейское разбирательство.

Процессуальный порядок рассмотрения и разрешения дела прямо и всецело определяется его правовой природой. Каждое нарушенное право защищается в особом процессуальном порядке.

Дифференциация процессуальных форм защиты производится не от источника закрепления норм, при реализации которых возник правовой конфликт, а от природы самого нарушенного или оспоренного права или законного интереса, которая может быть частной или публичной. Частное право регулирует отношения взаимно равных субъектов, публично — отношения неравных субъектов, «вертикальные» отношения власти и подчинения.

Частное право может быть защищено двумя способами и в рамках трех процессуальных форм: государственным (судебным) — в рамках гражданского либо арбитражного судопроизводства; и негосударственным (частноправовым) — в рамках третейского разбирательства.

Публичное право, поскольку «обслуживает» публичный интерес (интерес неопределенного круга лиц), предполагает строго государственную (судебную) защиту и обладает собственными процессуальными формами защиты. В сфере гражданской юрисдикции это административное судопроизводство, и производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений в арбитражном судопроизводстве.

На сегодняшний день в рамках гражданского судопроизводства рассматриваются и

разрешаются гражданские дела самого широкого материально-правового спектра: возникающие собственно из правоотношений, урегулированных Гражданским кодексом Российской Федерации; семейные, авторские; жилищные; земельные и др. К числу дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства, относятся и трудовые споры.

Процессуальная форма защиты — это совокупность правил рассмотрения и разрешения судом дел. Эти правила диаметрально различаются в зависимости от вида судопроизводства: для гражданского и арбитражного судопроизводства характерна строгая состязательность, при которой стороны должны самостоятельно, без какой-либо поддержки суда, представлять доказательства, обосновывающие их требования и возражения; пассивная роль суда, который лишь оценивает представленные ему доводы и доказательства и не выходит по общему правилу ни за рамки заявленных требований, ни за пределы доводов сторон. В административном судопроизводстве (производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений), напротив, процесс основан на активной роли суда, который вправе как выйти за пределы требований и доводов сторон, так и поставить на обсуждение вопросы, не заявленные сторонами, и по собственной инициативе истребовать доказательства. Кроме того, важнейшей процессуальной особенностью судебного рассмотрения дел публично-правового характера является особый механизм

распределения обязанностей по доказыванию: его бремя всецело возлагается на орган публичной власти, принявший оспариваемый акт, или совершивший обжалуемое действие (бездействие).

Такие принципиальные различия гражданского и административного судопроизводства обусловлены, конечно, характером разрешаемого судом спора. Частноправовые конфликты, основанные на равенстве спорящих сторон, в основании которых лежит интерес конкретного лица, для государства не имеют большого значения, поскольку не затрагивают общие для всех интересы и интересы самого государства, и потому разрешаются с большой долей диспозитивности. И напротив, публично-правовые дела имеют общественное значение, их разрешение повлечет правовые последствия для неопределенного круга лиц и самого государства, и потому их разрешают в особом, императивном, процессуальном режиме.

При этом трудовые правоотношения традиционно рассматриваются обособленно от гражданско-правовых конфликтов, по особым процессуальным правилам, которые в большой степени регулируются даже не законом, а правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ).

Начнем с того, что определение трудовых правоотношений содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2). Согласно ему трудовые правоотношения — это отношения, связывающие работника и работодателя, предметом которых является выполнение трудовой функции за плату, при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором¹.

Указанное постановление содержит также указание на необходимость разграничения трудовых споров и гражданско-правовых требований. При этом Пленум Верховного Суда РФ не требует исключения

таких (гражданско-правовых по сути) дел из рассмотрения по правилам искового производства, а лишь отмечает необходимость решения вопроса об их подсудности. Подчеркну, что данная правовая позиция была сформулирована в период до 2015 г., т.е. до обособления административного судопроизводства от гражданского.

Для того чтобы определить применимый способ и процессуальную форму защиты, следует выявить характер спорного правоотношения — частный или публично-правовой. Соответственно, нужно решить, какова природа трудовых правоотношений: частная или публичная?

Авторы отмечают, что «еще до 1861 г. стала появляться необходимость воздействия государства на отношения между фабрикантом и работником с целью защиты последнего»².

Само трудовое правоотношение — в узком смысле, как отношение работодателя и работника, — не публичное. Работодатель не наделен публичной властью в отношении работника. Однако воздействие государства на трудовые отношения осуществляется в значительно большей степени, нежели на гражданские правоотношения. Государство, хотя и не является явным участником трудового договора, формулирует жесткие требования для его субъектов, в первую очередь для работодателя. Помимо этого, оно контролирует их выполнение, для этого в системе публичной власти созданы специальные органы. Поэтому можно говорить, что государство опосредованно участвует в трудовых правоотношениях. Трудовые отношения регулируются нормами специального, трудового, законодательства именно по причине указанной их специфики.

В силу этого трудовые права подлежат защите исключительно в порядке государственного судопроизводства и не могут быть переданы в третейский суд.

В «Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2015) закреплено, что специализированные третейские суды не отнесены к органам, уполномоченным рассматривать индивидуальные трудовые споры. Также отмечено, что в случае, если в трудовой договор включены гражданско-правовые условия,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Кудрин А.С. Об истории формирования отечественного трудового права // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Право. 2018. № 3. С. 305.

споры, возникшие по поводу неисполнения этих условий либо ненадлежащего их исполнения, по соглашению сторон могут передаваться в указанные третейский суды³. Тем самым подтверждается, что трудовые споры третейским судам неподведомственны (не относятся к их компетенции).

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная им в Определении от 27 октября 2015 г. № 2454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курочкина Василия Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 357 Трудового кодекса Российской Федерации», также подчеркивает особое значение судебной защиты трудовых прав как средства обеспечения верховенства права и предотвращения злоупотреблений со стороны работодателя⁴.

Как уже было отмечено, исковое производство в гражданском процессе — квинт-эссенция состязательности. Согласно ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. В гражданском судопроизводстве господствует принцип формальной истины: суд не вправе по собственной инициативе истребовать доказательства. Сторона, не сумевшая обосновать свои требования или возражения, проигрывает дело.

Исковое производство изначально было «приспособлено» под частноправовые конфликты. До принятия в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) гражданское судопроизводство подразделялось на виды производств именно по критерию частноправовой или публично-правовой природы дела. Частноправовые конфликты рассматривались и разрешались в порядке искового производства, а публично-правовые — в рамках производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. С принятием КАС РФ публично-правовые дела отошли административному судопроизводству.

Учитывая специфику природы трудовых правоотношений, не позволяющую отнести их к отношениям сугубо частного характера,

применение к ним исковой формы защиты права вызывает вопросы.

Во-первых, при рассмотрении трудовых споров существенно трансформируется правило распределения обязанностей по доказыванию. Например, в делах о восстановлении на работе лица, трудовой договор с которым расторгнут по инициативе работодателя, обязанность доказать наличие законного основания увольнения и соблюдение установленного порядка увольнения возлагается на работодателя. Необходимость представить доказательства согласования увольнения с профсоюзным органом также возлагается на работодателя (п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»). Налицо правило доказывания, характерное для производства по делам, возникающим из публичных правоотношений (административного судопроизводства).

При этом, однако, при рассмотрении трудовых споров допускается заключение сторонами мирового соглашения. В п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда № 2 сказано, что в целях наиболее быстрого разрешения возникшего трудового спора и восстановления нарушенных или оспариваемых прав истца без рассмотрения судом дела по существу судье необходимо принимать меры к примирению сторон. Можно предположить, что в трудовых делах применим и институт судебной примирительной процедуры.

Действительно, возможность заключения мирового соглашения в гражданском судопроизводстве предусмотрена по всем категориям дел. В ст. 153.1 ГПК РФ содержится указание на то, что примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности.

Право на заключение мирового соглашения — это следствие диспозитивного начала гражданских правоотношений. Как известно, гражданские права субъекты осуществляют «своей волей и в своем интересе». Право примириться в суде не возникает с началом судопроизводства, это не процессуальное право — оно присутствует с момента вступления лица в спорное гражданское правоотношение и сохраняется за ним вплоть до разрешения судом дела.

Однако сделанное выше предположение об иной, в сравнении с гражданско-правовыми, природе трудовых правоотношений

³ URL: <https://legalacts.ru/doc/obzor-praktiki-rassmotrenija-sudami-del-po-sporam/> (дата обращения: 04.06.2022).

⁴ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=443843#UEeem7TAtpEorKGC> (дата обращения: 04.06.2022).

ставит под сомнение характерную только для частноправовых отношений абсолютную диспозитивность, одним из проявлений которой является право на заключение мирового соглашения.

Трудовые правоотношения возникают и развиваются при опосредованном участии государства, которое формулирует в нормах трудового законодательства императивные правила.

Так, в период действия Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации РСФСР 1964 г. ученые-процессуалисты специально указывали, что «не могут иметь юридической силы мировые соглашения по тем вопросам, в отношении которых нормы трудового права исключают возможность соглашения сторон»⁵.

В современный период авторы справедливо отмечают, что, например, «процедура медиации не применяется к коллективным трудовым спорам (такие отношения подлежат урегулированию в соответствии с нормами главы 61 Трудового кодекса Российской Федерации; во-вторых, к спорам, возникающим из гражданским, трудовым, семейным правоотношениям в случае, если такие споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы (ч. 5 ст. 1 Закона о медиации)»⁶. Если внесудебное примирение (каким и является процедура медиации) неприменимо к трудовым спорам, то и судебное примирение не может применяться.

При этом в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 закреплено, что нормы Трудового кодекса Российской Федерации «распространяются на всех работников, находящихся в трудовых отношениях с работодателем, и соответственно подлежат обязательному применению всеми работодателями (юридическими или физическими лицами) независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности». Это означает только одно — все без исключения нормы трудового законодательства регулируют публичные интересы. Соответственно, заключение мировых соглашений в трудовых спорах представляется недопустимым.

По крайней мере, при утверждении мировых соглашений в трудовых спорах необходимо применять правило, закрепленное в ч. 1 ст. 137 КАС РФ: примирение сторон может касаться только их прав и обязанностей как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон.

При этом при заключении мировых соглашений по трудовым спорам имеется публично-правовая специфика. Так, в судебном заседании между истцом и ответчиком было достигнуто мировое соглашение, которое они просили утвердить и производство по делу прекратить. Согласно условиям мирового соглашения, ответчик (работодатель) снова принимал истца (работника) на работу. Суд утвердил мировое соглашение и производство по делу прекратил. Однако на это определение поступила частная жалоба истца (работника), в которой, ссылаясь на выявленное у нее противопоставление, она не может приступить к работе, в связи с чем определение об утверждении данного мирового соглашения подлежит отмене.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия по гражданским делам установила, что при оценке представленного сторонами мирового соглашения суд не принял во внимание указанные положения трудового законодательства, утвердил мировое соглашение сторон, которое является неисполнимым. Определение об утверждении мирового соглашения было отменено, гражданское дело по первоначальному иску о признании увольнения незаконным было направлено в суд первой инстанции для рассмотрения по существу (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Чувашской Республики от 25.06.2012 по делу № 33-2020/2012)⁷.

Таким образом, специфика распределения обязанностей по доказыванию при рассмотрении и разрешении трудовых споров, прямое указание на лежащий в основе норм трудового права публичный интерес приводят к мысли о необходимости рассмотрения трудовых споров в рамках специализированной процессуальной формы защиты права — административного судопроизводства.

Именно по правилам административного судопроизводства должны рассматриваться все конфликты публично-правового характера (за исключением тех, что отнесены к компетенции арбитражных судов), в том числе трудовые.

⁵ Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Леснической, В.К. Пучинского. М.: Юридическая литература, 1976. С. 63.

⁶ Дмитриев О.В., Фуртак А.А. Медиативное соглашение, заключенное в результате применения процедуры медиации к спорам, возникшим из трудовых правоотношений // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2012. № 3 (32). С. 147.

⁷ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/102941070/> (дата обращения: 04.06.2022).

Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, закрепленной в Постановлении от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»⁸, к административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, не основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Совершенно очевидно, что об автономии воли работодателя как участника трудового правоотношения говорить точно не приходится.

При этом трудовые споры не исключены прямо указанным постановлением из административного судопроизводства.

⁸ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205136/ (дата обращения: 01.06.2022).

Поэтому вопрос о применимой процессуальной форме защиты трудовых прав на настоящее время не решен окончательно: с одной стороны, рассмотрение трудовых споров отнесено к компетенции судов общей юрисдикции. Однако в современных условиях это вовсе не означает, что они должны рассматриваться именно в порядке гражданского судопроизводства, поскольку в 2015 г. с принятием КАС РФ в самостоятельную форму защиты публичных прав выделилось административное судопроизводство.

Исходя из специфики природы трудовых правоотношений, а также трудового законодательства, дела, возникающие из них, предпочтительнее разрешать именно в административном судопроизводстве. Кроме того, трудовые споры ввиду их публично-правовой природы не подлежат рассмотрению третейскими судами.

Литература

1. Дмитриев О.В. Медиативное соглашение, заключенное в результате применения процедуры медиации к спорам, возникшим из трудовых правоотношений / О.В. Дмитриев, А.А. Фуртак // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 3 (32). С. 146–152.
2. Кудрин А.С. Об истории формирования отечественного трудового права / А.С. Кудрин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3 (34). С. 304–311.
3. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под редакцией Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. Москва : Юридическая литература, 1976. 600 с.

DOI: 10.18572/2072-3636-2022-3-24-28

Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник гражданского права

Поян Наталия Владимировна,
аспирант Юридического института
Севастопольского государственного университета
pronkina@mzs.ru

Этот вопрос актуален как с теоретической, так и с практической точки зрения. Но прежде чем дать на него ответ, необходимо, на мой взгляд, дать определение понятию «источник права». Источники права целесообразно рассматривать с точки зрения социолого-антропологического подхода, основанного на диалогической онтологии и методологии. Согласно этому подходу человек выступает в качестве существенного элемента правовой реальности, которая включает три взаимозависимых измерения: нормы, правовое сознание и верховенство закона.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, постановления, федеральный конституционный закон, Конституция РФ.

В России сложилась практика законотворчества, в соответствии с которой в Гражданском кодексе Российской Федерации не

только не определяются пределы регулятивного значения отдельных источников гражданского права, но даже и не дается перечень

таких источников. Нет такого перечня и в других законодательных актах. Возникающие в связи с этим пробелы в праве частично восполняются при определении полномочий государственных органов в Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), федеральных конституционных законах и других федеральных законах. Однако указанные пробелы полностью указанным образом не устраняются. В частности, приобретает остроту проблема признания источником гражданского права решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ). С учетом изложенного тема настоящей статьи должна быть признана актуальной.

Научная литература по проблеме решений Конституционного Суда РФ как источника российского права на данное время представлена публикациями результатов исследований в сфере теории права и конституционного права, проведенных В.Д. Зорькиным Т.Я. Хабриевой, Н.М. Марченко, А.Х. Саидовым, А.Г. Карапетовым, В.В. Лазаревым, Г.А. Гаджиевым, В.М. Лебедевым, М.В. Баглаем, Б.С. Эбзеевым и другими учеными.

Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование предложений, направленных на создание конституционной и законодательной базы для определения пределов правотворческих полномочий Конституционного Суда РФ в сфере гражданского права.

В соответствии со ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 августа 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации») Конституционный Суд РФ имеет полномочия разрешать дела о соответствии Конституции РФ актов, указанных в этих статьях, а также давать толкование Конституции РФ. Совершенно понятно, что постановления Конституционного Суда РФ по указанным вопросам влияют на содержание Конституции РФ и соответствующих нормативных правовых актов. Поэтому такие постановления в их резолютивной части должны безусловно признаваться источниками права. Это согласуется с положением ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», признающей решения Конституционного Суда РФ обязательными на территории Российской Федерации. Поэтому не должно быть споров

по вопросу о том, являются ли в этой части постановления Конституционного Суда РФ источниками права, хотя в науке они и ведутся. В частности, правотворческие полномочия Конституционного Суда РФ отрицал, например, В.С. Нерсесянц¹.

Общеизвестно, что Конституционный Суд РФ в своих не только постановлениях, но и в определениях ссылается на те правовые позиции, которые были ранее сформулированы им в мотивировочных частях таких судебных актов. Возникает вопрос о том, какова конституционная и законодательная основа подобных ссылок. Нам такую основу обнаружить не удалось. И все же М.Н. Марченко, хотя и весьма осторожно, признает источником права судебную практику или прецеденты, создаваемые Конституционным Судом РФ².

Поскольку обосновать такой вывод ссылкой на Конституцию РФ или закон было невозможно, М.Н. Марченко предварил его словами «исходя из сложившейся теории источников права и практики принятия Конституционным Судом решений общенормативного характера»³.

Весьма спорно утверждение о том, что в теории источников права действительно есть согласие относительно признания выработанных Конституционным Судом РФ правовых позиций, имеющих общеобязательное значение. А указания на «решения общенормативного характера» вряд ли вообще касается определений Конституционного Суда РФ. Поэтому, следуя истине, М.Н. Марченко должен был бы критически оценить ссылки Конституционного Суда РФ в своих решениях на правовые позиции, которые он сформулировал в своих же определениях.

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин более решителен и последователен в отстаивании общеобязательного значения правовых позиций Конституционного Суда РФ: «Правовые позиции Конституционного Суда, содержащиеся в решениях, фактически отражают его особого рода правотворчество»⁴.

¹ Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе правовых актов) // Судебная практика, как источник права / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 39–40.

² Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М.: Проспект, 2008. С. 406–407.

³ Там же. С. 406.

⁴ Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 5.

Обратим внимание на используемый автором термин «решения». В соответствии со ст. 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» термин «решения» охватывает собою постановления и определения Конституционного Суда РФ. Это дает основание для вывода о том, что В.Д. Зорькин признает общеобязательными правовые позиции, изложенные как в постановлениях, так и в определениях Конституционного Суда РФ. Более того, он называет правовые позиции, вырабатываемые Конституционным Судом РФ и формулирующиеся в мотивировочных частях постановлений и определений Конституционного Суда РФ, прецедентами и ссылается на мнение «специалистов», которые считают, что «все более активное внедрение элементов прецедентного права свидетельствует об углублении интеграции судебной системы России в международное судебное сообщество»⁵.

С автором следует согласиться в том, что если под специалистами понимаются ученые-юристы, то идея судебного правотворчества ими преимущественно признается, можно так сказать, независимо от возраста. Так, В.В. Лазарев и Д.А. Фурсов безоговорочно признают суд «творцом права»⁶.

Х.И. Гаджиев предлагает согласиться с тем, «что судьи должны успевать за прогрессом, чему способствовали их укрепляющаяся свобода усмотрения и следовавшее за ним активное участие в судебном правотворчестве»⁷.

Позиция А.Г. Карапетова по вопросу о судебном правотворчестве становится ясной уже из названия его монографии «Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве»⁸.

Но, к чести ученого, следует заметить, что он приводит резко критическое высказывание Г.Ф. Шершеневича по поводу опыта судебного правотворчества в России: «Авторитет кассационных решений основывается, очевидно, не на силе прецедента, как в Англии, но исключительно на иерархическом отношении низших инстанций к высшим. Судебная практика рабски ловит каж-

дое замечание кассационного департамента, старается согласовать свою деятельность со взглядом Сената. Эта масса решений, нарастающая с каждым годом все крепче и крепче, опутывает наш суд, который, как лев, запутавшийся в сетях, бессильно подчиняется своей участи, отказывается от борьбы и живет разумом высшей судебной инстанции. В настоящее время вся задача практика заключается в том, чтобы подыскать кассационное решение на данный случай. Борьба перед судом ведется не силой логики, не знанием соотношения конструкции института и системы права, не искусством тонкого толкования законов, а исключительно ссылкой на кассационные решения»⁹.

Однако та безысходность, которой пронизано приведенное высказывание Г.Ф. Шершеневича, для А.Г. Карапетова стала лишь основанием утверждать такое: «...та картина, которая открывается из этой цитаты, в полной мере отображает бессмысленность борьбы с судебным правотворчеством»¹⁰.

Апологетика судебного правотворчества заглушила и меткое, убедительное высказывание другого российского дореволюционного ученого-цивилиста — И.А. Покровского: «Если теория свободного судебного правотворчества заключает в себе органическую и неустранимую опасность судебного произвола, если она самую неопределенность и неясность права возводит в принцип, она, очевидно, идет вразрез с интересами развивающейся человеческой личности. Эта последняя может мириться со многими ограничениями своей свободы, если они установлены законами и если они ясны, но она не может мириться с зависимостью от чьего бы то ни было произвола, хотя бы и самого доброжелательного»¹¹.

Что касается прецедентов, которые якобы вырабатывает Конституционный Суд РФ, и интеграции судебной системы России в международное судебное сообщество через такие прецеденты, то следовало бы учесть, что пишет о судебном прецеденте Л.В. Головкин: «Судебный прецедент есть творческий поиск в чужом судебном решении теоретической квинтэссенции — *ratio decidendi*, т.е. той правовой конструкции, которую никто не "предлагает на блюде"

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Лазарев В.В., Фурсов Д.А. Установление содержания права в судебных решениях // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 5.

⁷ Гаджиев Х.И. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 92.

⁸ Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2011.

⁹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2016. С. 241–242.

¹⁰ Карапетов А.Г. Указ. соч. С. 205.

¹¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 7-е изд., стереотип. М.: Статут, 2016. С. 107.

Иногда подобным поиском занимаются сами судьи, иногда профессора права. Важно другое: судебное мнение является в такой ситуации объектом анализа, а не субъектом "послушания" вышестоящему начальству»¹².

Продолжим, однако, поиск законодательной основы идеи общеобязательности правовых позиций Конституционного Суда РФ в процессуальных кодексах. В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ) каких-либо указаний судам об обязательности правовых позиций, изложенных в мотивировочных частях постановлений и определений Конституционного Суда РФ, найти не удалось. И это притом что ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ предусматривает возможность ссылок в решении суда на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) по вопросам судебной практики, на постановления Президиума Верховного Суда РФ и обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ. Нам не удалось обнаружить и указаний об обязательности правовых позиций Конституционного Суда РФ и в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — АПК РФ), хотя и здесь предусматривается возможность ссылок в решении суда на постановления Пленума Верховного Суда РФ, на постановления Президиума Верховного Суда РФ, на сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ (п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ).

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 17) (далее — АПК РФ) не предусматривает рассмотрения в порядке, предусмотренном этим кодексом, споров, вытекающих из гражданских правоотношений. Поэтому из названного кодекса вряд ли можно сделать какие-то выводы, касающиеся темы настоящей статьи. Но рассмотрим некоторые положения этого кодекса, имея в виду хотя бы возможность использования опыта регулирования общественных отношений, складывающихся при рассмотрении административных дел, при внесении дополнений и изменений в ГПК РФ и АПК РФ.

В п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ мы находим указание на то, что в мотивировочной части

решения суда могут содержаться ссылки на «решения Конституционного Суда Российской Федерации». Этот пункт, как и ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ и п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ, действует в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Несмотря на это, было допущено различие в их содержании: КАС РФ предусматривает возможность ссылок в решении суда на решения Конституционного Суда РФ, а ГПК РФ и АПК РФ нет. Нам не удалось найти каких-либо разумных аргументов в пользу такой дифференциации правового регулирования. Но все же нельзя не увидеть в ч. 4 ст. 198 ГПК РФ и п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ продолжение той линии, которую начал конституционный законодатель, продолжил федеральный законодатель при принятии Федерального закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Эта линия заключается в оставлении без разрешения вопроса о возможности давать ссылки в судебных решениях на решения Конституционного Суда РФ.

И дело же к ссылкам не сводится. Раз в судебном решении могут содержаться такие ссылки, то решения Конституционного Суда РФ должны быть признаны обязательными для судов. А раз они обязательны для судов, то в случаях, когда в решении Конституционного Суда РФ решается вопрос материального права, решения Конституционного Суда РФ следует признавать источником материального, в том числе гражданского, права. Это два последующих вывода от предыдущего правового явления к предыдущему — методологический инструмент правотолкования, разработанный группой крымских ученых¹³, в порядке развития ранее обоснованного Е.В. Васьковским вывода от условий к следствию¹⁴.

В свою очередь, Е.В. Васьковский заимствовал идею такого вывода из научных работ по логике и философии. В упомянутом издании¹⁵ убедительно на богатом эмпирическом материале показывается, что правовые нормы, которые логически закреплены в положениях актов законодательства и которые обнаруживаются при толковании при

¹³ Новейшее учение о толковании права: по материалам гражданского и других отраслей права: монография / В.Г. Ротань, О.Е. Сонин, Ю.В. Черткова. Симферополь, 2019. С. 228–286.

¹⁴ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИн-фоР, 2002. С. 302–205.

¹⁵ Новейшее учение о толковании права...

¹² Голков Л.В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 34.

помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему или наоборот, являются полноценным регулятором общественных отношений.

Требуется, однако, более детальный анализ слов «решения Конституционного Суда Российской Федерации», которые содержатся в п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ. Во-первых, об этом ранее уже речь шла, решения — это и постановления, и определения Конституционного Суда РФ (ст. 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Во-вторых, надо решить вопрос о том, идет здесь речь только о решениях Конституционного Суда РФ в их резолюционной части или также и о правовых позициях, формулируемых в порядке мотивировки решений Конституционного Суда РФ. Ответ на этот вопрос мы находим в ст. 310 КАС РФ, которая признает основанием отмены судебных актов в апелляционном порядке неправильное применение норм материального права или норм процессуального права (п. 4 ч. 2 ст. 310), а неправильным применением норм права признает, в частности, неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда РФ (п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ). Из п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ следует сделать целый ряд выводов от последующего правового явления к пре-

дыдущему. В итоге мы получаем логически закрепленную в п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ правовую норму, в соответствии с которой правовые позиции, сформулированные в мотивировочных частях постановлений (но не решений) Конституционного Суда РФ, должны быть приравнены к нормам материального или процессуального права.

Можно ли распространить правовую норму, логически закрепленную в п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ, на все правоотношения, в том числе и гражданские? В принципе нет. Однако есть один вопрос, требующий обсуждения в научной среде. Речь идет о том, что указание на неправильное истолкование закона содержится не только в п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ, но и в п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ и п. 3 ч. 2 ст. 270 АПК РФ. При этом в ст. 330 ГПК РФ и ст. 270 АПК РФ содержание, которое вкладывается в слова «неправильное толкование закона», не раскрывается, а в ст. 310 КАС РФ раскрывается. При таких условиях возникает мысль слова «неправильное истолкование закона», которые употребляются в п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ и п. 3 ч. 2 ст. 270 АПК РФ, интерпретировать так, как они раскрываются в п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ. На данный момент полагаем, что этот вопрос нуждается в специальном исследовании, которое автор предполагает осуществить в будущем.

Литература

1. Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е.В. Васильковский. Москва : Центр ЮрИнфоР, 2002. 508 с.
2. Гаджиев Х.И. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения / Х.И. Гаджиев // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 91–105.
3. Головкин Л.В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений / Л.В. Головкин // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 6–34.
4. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4–6.
5. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве / А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2011. 308 с.
6. Лазарев В.В. Установление содержания права в судебных решениях / В.В. Лазарев, Д.А. Фурсов // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 5–16.
7. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право / М.Н. Марченко. Москва : Проспект, 2008. 512 с.
8. Нерсисянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе правовых актов) / В.С. Нерсисянц // Судебная практика, как источник права / ответственный редактор Б.Н. Топорнин. Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 35–41.
9. Новейшее учение о толковании права: по материалам гражданского и других отраслей права : монография / В.Г. Ротань, О.Е. Сонин, Ю.В. Чертова. Симферополь : [б. и.], 2019. 792 с.
10. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. 7-е изд., стереотип. Москва : Статут, 2016. 351 с.
11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Статут, 2016. 496 с.

Превратности разбирательств в отношении судей, обвиняемых в превышении своих должностных полномочий (ч. 2 ст. 286 УК РФ)

Колоколов Никита Александрович,
заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности
Московского университета им. А.С. Грибоедова (ИМПЭ),
доктор юридических наук, профессор
nikita_kolokolov@mail.ru

Вниманию читателя предлагается краткий анализ хода разбирательств в отношении судей, обвиняемых органами предварительного расследования в превышении своих должностных полномочий. Исследуются и оцениваются отдельные элементы тактики выдвижения обвинения и защиты.

Ключевые слова: производство по уголовным делам в отношении судей, инициация производства, его особенности, тактика обвинения и защиты.

Введение

Вниманию читателя предлагается анализ выдвижения обвинения в отношении двух судей, которых органы предварительного расследования заподозрили в превышении должностных полномочий, что, по мнению обвинения, повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан. Поскольку речь идет о судьях — субъектах, занимающих государственные должности, то содеянное ими предлагается квалифицировать по ч. 2 ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Как известно, существование главы 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц», в число которых входят и судьи, — признание на самом высоком законодательном уровне весьма актуальной проблемы, поскольку специальные субъекты легко могут стать жертвами провокаций, организуемых компетентными спецслужбами¹.

Изучение практики применения главы 52 УПК РФ однозначно свидетельствует о том, что привлечение судьи к уголовной ответственности — процесс весьма продол-

жительный, таковой, как правило, занимает несколько лет.

В этой связи бесспорный интерес представляет оригинальное диссертационное исследование Н.В. Романенко «Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации»².

Мы же рассмотрим некоторые моменты, касающиеся тактики выдвижения стороной обвинения обвинительных версий в отношении судей, также оценим их попытки доказать свою невиновность.

1. Служебная тайна

1.1. Послужной список судьи Ш.

Начнем с дела судьи Ш. Указом Президента Российской Федерации от 23 октября 2012 г. № 1425 с шестилетним сроком полномочий она была назначена на должность председателя Новосибирского областного суда. По истечении этого срока Ш. продолжила свою профессиональную деятельность в качестве рядового судьи данного суда на основании п. 11 ст. 6.1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее — Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»).

Особо следует отметить, что в декабре 2016 г. на IX Всероссийском съезде судей Ш. была избрана членом Совета судей Россий-

¹ Время от времени лица, рискнувшие спровоцировать весьма спорное поведение чиновника, подвести его под статью о получении взятки, сами попадают на скамью подсудимых. О чем мы уже неоднократно писали. См., напр.: Колоколов Н.А. Какие действия скрывают в себе фальсификацию материалов уголовного дела // Уголовный процесс. 2022. № 8.

² Романенко Н.В. Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 500 с.

ской Федерации (далее — Совет судей РФ), ей присвоили второй квалификационный класс судьи. К моменту начала разбирательства стаж судейской работы Ш. насчитывал уже более 28 лет, Ш. имеет ученую степень кандидата юридических наук.

1.2. Представление следователя

В Совет судей РФ поступило представление следователя следственного отдела Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новосибирской области в отношении председателя Новосибирского областного суда Ш., из текста которого следовало, что она в период пребывания в должности председателя Новосибирского областного суда направила и.о. губернатора Новосибирской области ставшие ей известными в силу служебного положения сведения о возбуждении уголовного дела в отношении заместителя начальника Управления по обеспечению деятельности мировых судей по Новосибирской области и планируемых органом следствия следственных действиях по уголовному делу. В результате умышленных действий Ш. данные сведения стали известны третьим лицам, в том числе подозреваемым, до проведения в отношении них неотложных следственных действий, что повлекло возможность уничтожения ими вещественных доказательств, а также сокрытия следов преступления.

1.3. Дисциплинарная проверка

По поручению председателя дисциплинарной комиссии Совета судей РФ его членом — председателем Брянского областного суда была проведена проверка указанной в представлении информации, по результатам которой дисциплинарной комиссией было составлено заключение. Изложенные в документе выводы сигнализировали о совершении Ш. как минимум дисциплинарного проступка.

1.4. Реакция Совета Судей РФ

27 мая 2019 г. Совет судей РФ обратился в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации (далее — ВККС РФ) с обращением о привлечении судьи Ш. (председателя Новосибирского областного суда в 2012–2018 гг.) к дисциплинарной ответственности за совершение проступка, выразившегося в нарушении требований ст. 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», ст. 4, 6, 11

Кодекса судейской этики, утвержденного VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. Было высказано суждение о том, что действия Ш. повлекли умаление авторитета судебной власти, причинили ущерб репутации судьи.

1.5. Наложение дисциплинарного взыскания

Решением ВККС РФ от 4 июня 2019 г. обращение было удовлетворено. В действиях Ш. признано наличие дисциплинарного проступка, и на нее наложено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения.

1.6. Позиция судьи

Считая данное решение незаконным, Ш. обратилась в Дисциплинарную коллегию Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) с жалобой, в которой просила его отменить, ссылаясь на то, что обращение, на основании которого принято решение, не соответствует Регламенту Совета судей РФ, утвержденному VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г., нарушает положения ст. 120, 122 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), ст. 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее — Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»), ч. 4 ст. 5 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», закрепляющие независимость судей в Российской Федерации и их неподотчетность органам государственной власти.

В обоснование своих доводов Ш. указала, что поводом к обращению послужило представление следователя, в котором он утверждал, что ею были допущены нарушения закона.

По смыслу п. 33 ст. 5, ч. 2 ст. 73 и ч. 2 ст. 158 УПК РФ представление следователя в досудебном судопроизводстве, содержащее законные требования, является процессуальным решением и носит обязательный характер для организаций и должностных лиц, которым оно адресовано, а также является формой процессуального контроля следователя за деятельностью организаций и должностных лиц в Российской Федерации, которым оно адресуется.

В отношении судей такой подход недопустим, следовательно, Совет судей РФ, его дисциплинарная комиссия и ВККС РФ не обладают полномочиями по рассмотрению представления, поскольку оно не соответствует критериям жалоб и сообщений, указанным в Регламенте Совета судей РФ и Положении.

Кроме того, Ш. заявила о своем несогласии с выводом о разглашении ею тайны следствия (конфиденциальной информации) по уголовному делу. Таковое ею допущено не было, поскольку ходатайство следователя о проведении обыска в жилище подозреваемого рассматривалось Советским районным судом г. Новосибирска в открытом судебном заседании, в котором оглашались постановление о возбуждении уголовного дела и все процессуальные документы, которые проходили регистрацию и движение в свободном доступе в Советском районном суде г. Новосибирска.

При направлении информации и.о. губернатора она действовала в пределах организационно-распорядительных полномочий председателя областного суда в интересах судебной системы и руководствовалась положениями п. 1 ст. 18 Кодекса судейской этики.

1.7. Ответ Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ

Конституция РФ (ст. 118, 120–122), Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» устанавливают особый правовой статус судьи, призванный обеспечить защиту публичных интересов, интересов правосудия, целью которого является защита прав и свобод человека и гражданина, и предъявляют к судьям особые требования.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию РФ, федеральные конституционные и федеральные законы; при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

Аналогичные требования, предъявляемые к судье, также содержатся в ст. 1–6, 22 Кодекса судейской этики, ибо они соответствуют принципам и правилам поведения,

установленным Кодексом судейской этики, общепринятыми нормами морали и нравственности.

Судья должен способствовать утверждению в обществе уверенности в справедливости, беспристрастности и независимости суда; судья в любой ситуации должен сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, причинить ущерб репутации судьи и поставить под сомнение его объективность, справедливость и беспристрастность.

В силу положений п. 6 ст. 11 Кодекса судейской этики судья не вправе разглашать информацию, полученную при исполнении своих обязанностей. Конфиденциальная информация, ставшая известной судье в силу его должностного положения, не может быть использована им или раскрыта кому-либо в целях, не связанных с исполнением обязанностей судьи.

Виновное действие (бездействие) судьи при исполнении служебных обязанностей, в результате которого были нарушены положения Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» или Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, является дисциплинарным проступком, за который на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания, предупреждения, досрочного прекращения полномочий судьи (п. 1–5 ст. 121 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»).

При наложении дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность судьи, совершившего дисциплинарный проступок, и степень нарушения действиями (бездействием) судьи прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций.

Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания, в соответствии с п. 6 ст. 121 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности судьи, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Из материалов дела и дисциплинарного производства следует, что основанием для направления в ВККС РФ обращения послужили результаты проведенной дисциплинарной комиссией проверки поступившего в Совет судей РФ представления.

Из заключения, которое составлено по результатам проверки и подтверждается ее материалами, следует, что председатель Новосибирского областного суда Ш., получив из Советского районного суда г. Новосибирска копии постановления о возбуждении уголовного дела в отношении заместителя начальника Управления по обеспечению деятельности мировых судей Новосибирской области и ходатайство следователя о производстве обыска в его жилище, в этот же день, 16 июля 2018 г., направила эти документы с сопроводительным письмом по факсу врио губернатора Новосибирской области. 18 июля 2018 г. при производстве обыска в служебном кабинете заместителя начальника Управления по обеспечению деятельности мировых судей Новосибирской области следователем были обнаружены и изъяты сопроводительное письмо Ш. от 16 июля 2018 г. и приложенные к нему копии постановления о возбуждении в отношении его уголовного дела и производстве у него обыска.

ВККС РФ пришла к обоснованному выводу о том, что разглашение Ш. данных предварительного расследования по уголовному делу лицам, не имеющим права на ознакомление с ними, в результате чего до проведения неотложных следственных действий сведения, составляющие тайну предварительного расследования, стали известны третьим лицам, в том числе подозреваемым по уголовному делу, привело к нарушению прав и законных интересов участников процесса по уголовному делу и осложнило само производство по уголовному делу, в том числе повлекло утрату доказательств по делу, создало подозреваемым условия для уничтожения доказательств, что воспрепятствовало производству уголовного дела.

Изложенные факты административным истцом не оспаривались.

Ни Советом судей РФ, ни ВККС РФ нарушений закона, закрепляющих независимость судей в Российской Федерации и их неподотчетность органам государственной власти, допущено не было.

С учетом изложенного Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ реши-

ла: в удовлетворении жалобы Ш. отказать³.

1.8. В ожидании приговора

Как известно, впоследствии за совершение вышеуказанных действий Ш. была привлечена к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 186 УК РФ. На момент подготовки настоящего материала уголовное дело в отношении нее рассматривается Центральным судом г. Барнаула⁴.

2. Дело мирового судьи

2.1. Послужной список судьи Л. (А.)

Постановлением Новосибирского областного Совета депутатов от 25 марта 2010 г. № 58 Л. (А.) была назначена на должность мирового судьи 2-го судебного участка г. Оби Новосибирской области. Приказом и.о. начальника Управления Судебного департамента в Новосибирской области от 26 июля 2013 г. № 654 л/с ее отчислили из штата мировых судей в связи с истечением срока полномочий на основании подп. 4 п. 1 ст. 14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

2.2. Представление А.И. Бастрыкина

Председатель Следственного комитета Российской Федерации (далее — Следственный комитет РФ) обратился в ВККС РФ с представлением о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении Л. (А.) по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 286, ч. 2 ст. 138 УК РФ. В представлении было указано, что в период с 17 июня по 22 июля 2013 г. Л. (А.) в отсутствие законных оснований вынесла пять определений об удовлетворении ходатайств на получение детализации телефонных соединений ряда абонентов и сведений о месте жительства владельца телефонного номера, об истребовании на основании их информации в компаниях операторов сотовой связи, а также допустила нарушение тайны телефонных переговоров, что подпадает под действие ч. 2 ст. 286 и ч. 2 ст. 138 УК РФ.

³ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 2 сентября 2019 г. № ДК19-54 // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2019 г.

⁴ В Барнауле огласили обвинение экс-председателю Новосибирского облсуда Ш. URL: <https://sib.fm/news/2022/06/01/v-barnaule-oglasili-obvinenie-ekspredsedatelyu-novosibirskogo-oblsuda-shatovkinoy?yclid=1599kzcn21785093150>

2.3. Согласие ВККС РФ

Решением ВККС РФ от 17 июня 2020 г. представление Председателя Следственного комитета РФ удовлетворено частично — дано согласие на возбуждение уголовного дела в отношении Л. (А.) по ч. 2 ст. 286 УК РФ (совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации). В остальном в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении Л. (А.) отказано ввиду истечения срока давности уголовного преследования, что в силу п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ препятствует возбуждению уголовного дела. Решение Коллегии в этой части сторонами не оспаривается.

2.4. Административный иск

Л. (А.) обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском, в котором просила отменить указанное решение в части дачи согласия на возбуждение уголовного дела. По мнению истицы, в ее действиях отсутствуют признаки преступления, поскольку «она использовала свои полномочия мирового судьи с целью розыска лица, совершившего преступление (как она полагала) в отношении ее имущества, без корыстной заинтересованности, что не является таким уж явным превышением служебных полномочий».

Кроме того, в ее действиях отсутствует признак существенности нарушения прав и законных интересов граждан, которые в ходе проверки показали, что их права и законные интересы не были нарушены и отсутствует причинение вреда.

Решением Верховного Суда РФ от 15 сентября 2020 г. Л. (А.) в удовлетворении административного искового заявления отказано.

2.5. Обжалование

Не согласившись с этим, истица в апелляционной жалобе просила его отменить.

2.6. Суд второй инстанции мотивирует свое видение проблемы

Отказывая в удовлетворении жалобы, суд второй инстанции констатировал: «Судейская неприкосновенность, являясь некоторым исключением из принципа равноправия (ст. 19 Конституции РФ), не

означает освобождения от уголовной или иной ответственности и служит не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, прежде всего интересов правосудия, призванного согласно ст. 18 Конституции РФ обеспечивать права и свободы человека и гражданина» (постановления Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 № 6-П, от 19.02.2002 № 5-П и от 28.02.2008 № 3-П).

В целях обеспечения неприкосновенности и независимости судей ст. 24 (п. 6 ч. 1), 448 УПК РФ и Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» установлен процедурный механизм осуществления правосудия в отношении судьи.

Порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи урегулирован ст. 448 УПК РФ. Решение о возбуждении уголовного дела в отношении мирового судьи принимается Председателем Следственного комитета РФ с согласия ВККС РФ (п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, п. 3 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»).

В силу п. 8 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» рассмотрение квалификационной коллегией судей вопроса о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу призвано определить, имеется ли связь между уголовным преследованием и профессиональной деятельностью судьи, включая его позицию при разрешении того или иного дела, и не является ли такое преследование попыткой оказать давление на судью с целью повлиять на выносимые им решения.

В материалах производства содержатся данные, указывающие на наличие повода и оснований для решения вопроса о возбуждении в отношении Л. (А.) уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 286 УК РФ.

К их числу относятся показания самой истицы, определения мирового судьи Л. (А.) об удовлетворении ходатайств на получение детализации телефонных соединений абонентов, запросы в «Мегафон» и «МТС», изготовленные и ею подписанные.

В судебном заседании представитель Л. (А.) указала, что лица, чья тайна на конфиденциальность переговоров была нарушена, «крови не жаждают», считают, что содеянное мировой судьей никакого ущерба им не причинило.

2.7. Мнение представителя Следственного комитета РФ в суде второй инстанции

Представитель Следственного комитета РФ на это заявил, что состав преступления по существу формальный: в соответствии с Конституцией РФ права и свободы каждого человека и гражданина являются высшей ценностью, всем гарантировано право на тайну телефонных переговоров, Л. (А.) своими действиями нарушила права ряда граждан, пояснения, высказанные в ходе доследственной проверки, относительно того, что их права не нарушены, не означают, что административный истец не совершила деяния, которые подходят под признаки преступления, предусмотренные ст. 286 УК РФ⁵.

2.8. Ожидаемый эпилог

Суд второй инстанции в удовлетворении жалобы административного истца отказал⁶.

⁵ Протокол судебного заседания Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № АПЛ20-468 // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2020 г.

⁶ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от

Основные научно-практические выводы

Как видим, обе судьи использовали свое служебное положение вопреки интересам своей профессиональной деятельности. Данные факты «железно» доказаны, да и самими бывшими судьями не отрицаются. Ответы на вопросы: насколько обе эти женщины опасны для общества и какую конкретную цель оно (общество) в данном случае преследует, оставим за читателем.

Мы же позволим себе только напомнить, что в отношении судьи Ш. орган судейского сообщества счел возможным ограничиться предупреждением. Мировому судье Л. (А.) просто предложили выйти в отставку. Совершенно очевидно, что с момента удаления в отставку, лишения полномочий судьи, как носителя власти, потенциал опасности утрачивают.

В то же время мы видим, как Следственный комитет РФ последовательно добивается осуждения каждой из них.

22 декабря 2020 г. № АПЛ20-468 // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2020 г.

Литература

1. Колоколов Н.А. Защита прав судьи: пределы действия принципа неприкосновенности / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2011. № 10. С. 60–67.
2. Колоколов Н.А. Какие действия скрывают в себе фальсификацию материалов уголовного дела / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2022. № 8. С. 58–62.
3. Колоколов Н.А. Некоторые особенности производства по уголовному делу в отношении судьи, обвиняемого в умышленном нарушении правил дорожного движения, если по неосторожности это повлекло наступление последствий, перечисленных в ст. 264 УК РФ: анализируем конкретные дела / Н.А. Колоколов // Российский судья. 2022. № 8. С. 35–40.
4. Колоколов Н.А. Особенности производства по уголовному делу в отношении мирового судьи: анализируем конкретное дело / Н.А. Колоколов // Мировой судья. 2022. № 9. С. 7–14.
5. Колоколов Н.А. Постановление суда, санкционирующее ОРМ, обжалуется по УПК РФ / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2017. № 5. С. 30–35.
6. Отмахова Е. В Барнауле огласили обвинение экс-председателю Новосибирского облсуда Ш. / Е. Отмахова // Sib.fm. 2022. 1 июня.
7. Романенко Н.В. Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации : диссертация доктора юридических наук / Н.В. Романенко. Екатеринбург, 2022. 500 с.

Центр редакционной подписки:

тел. (495) 617-18-88 — многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru

Стандарты юридической ответственности судей: эволюция российского законодательства (к 30-летнему юбилею Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»)

Романенко Наталья Валерьевна,

доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук
bvm@ekbobsud.ru

В статье анализируется правовой институт юридической ответственности судей. Автором выявляется его становление и развитие в отечественном законодательстве советского и современного российского периода во взаимосвязи с закрепленной независимостью судьи. На основании полученных результатов автор формулирует предложения о совершенствовании законодательства о судейской этике.

Ключевые слова: неприкосновенность судьи, уголовное преследование судьи, статус судьи, судейская этика.

Отечественное судоустройство законодательство «дожило» до периода знаменательных дат. 20-летний юбилей отметил Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», в прошлом году 25 лет исполнилось Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее — Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»), а в следующем — Федеральному закону от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» и Федеральному закону от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации». Третий десяток лет живут и регулируют общественные правоотношения Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации». Самый заметный, объединяющий все эти законы «юбилар» — Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее — Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации») — празднует в этом году свое тридцатилетие.

Наверное, это уважительная причина обобщить некоторые результаты четверть-векового существования судебной системы в новых экономических, политических и социальных реалиях, реализацию Концепции судебной реформы, начавшей воплощаться тоже три десятилетия назад¹, и в первую очередь тенденции в развитии положения о статусе судей и их юридической ответственности.

Как известно, в советский период статус судей не формировался как особая правовая гарантия. Замещение этой должности происходило на условиях выборности и сменяемости. Статья 11 Закона СССР о судоустройстве² содержала указания лишь на общие требования к ней (наличие избирательного права, возраст не менее 23 лет, отсутствие судимости), ст. 18 содержала некоторые особенности уголовного преследования судей (возможность возбуждения уголовного дела, отстранения от должности и предания суду только по постановлению прокурора республики (прокурора СССР) и с санкции Президиума Верховного Совета республики (СССР)). В соответствии с действовавшим в тот период Положением о дисциплинарной ответ-

¹ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // СПС «Гарант».

² Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // СПС «Гарант».

ственности судей³ «Советский судья, избираемый народом, должен дорожить доверием народа и являть образец честного служения Родине, точного и неуклонного исполнения советских законов, моральной чистоты и безукоризненного поведения, чтобы иметь не только формальное, но и моральное право судить и учить других». Для рассмотрения дел о совершенных судьями дисциплинарных проступках образовывались коллегии по дисциплинарным делам при судах и трибуналах, начиная от областного (окружного) уровня, и при Верховном Суде СССР. Право возбуждения дисциплинарных дел в отношении судей принадлежало министру юстиции СССР, союзных и автономных республик, председателям военных трибуналов и судов областного (окружного) уровня. В числе дисциплинарных взысканий предусматривались замечание, выговор, строгий выговор, а досрочное прекращение полномочий (или отозвание судьи с занимаемой должности) было возможно в качестве отдельной после дисциплинарного производства процедуры по инициативе министра юстиции СССР (союзной республики).

Суды, занимавшие центральное место в системе юстиции, имели назначение в борьбе с преступностью, проведении воспитательной работы, не имея в виду собственных истинных целей. Деятельность судов и судей того периода была подотчетна и поднадзорна: в первую очередь избирателям или избравшим их органам, во вторую — Министерству юстиции СССР, осуществлявшему организационное руководство судами и их материально-техническое обеспечение, имевшему право проводить проверки в судах, заслушивать председателей судов, обобщать судебную практику, а также прокурорам, осуществлявшим надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах⁴. Гарантии неприкосновенности были расширены включением в перечень особых процедур ареста судьи наложения на него мер административного взыскания в судебном порядке⁵.

Концепция судебной реформы поставила своей целью «создание независимой и

влиятельной судебской корпорации, гарантирование процессуальной самостоятельности работников юстиции и их достойного материально-бытового и социального обеспечения», акцентировав в первую очередь конституционно-правовой статус судьи и гарантии его независимости. Особый порядок привлечения его к различным видам юридической ответственности стал одним из основных способов обеспечения этой независимости. При этом на заре проводимых реформ эти гарантии обрели максимально возможные пределы, напоминая пресловутый «парад суверенитетов».

Так, в первоначальной редакции ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» не предусматривалась возможность привлечения судей к дисциплинарной и административной ответственности вообще⁶. Процедура уголовного преследования судьи, конкретизированная в принятом в 2001 г. Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), на начальном этапе установления гарантий судебской независимости тоже была предельно усложнена и насчитывала более шести элементов: от полного запрета задержания, в том числе на месте совершения преступления, до исключительной процедуры заключения судьи под стражу через трехкратное вовлечение в данную процедуру Генерального прокурора Российской Федерации (далее — Генеральный прокурор РФ) и органов судебского сообщества. Для возбуждения уголовного дела требовалась инициация производства Генеральным прокурором РФ, при получении предварительного заключения специальной судебной коллегии областного и соответствующего ему либо Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) о наличии в деянии судьи признаков преступления, а также при получении согласия на уголовное преследование у соответствующей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. Тогда же появилась особая процедура привлечения судьи в качестве обвиняемого (по уголовному делу, возбужденному в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления). Был впервые установлен запрет привлечения судьи к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое решение (если вступившим в законную силу

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г. «О дисциплинарной ответственности судей» // СПС «Гарант».

⁴ Статьи 15, 18, 34 Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» (ред. от 25.06.1980) // СПС «Гарант».

⁵ Статья 75 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР» // СПС «Гарант».

⁶ Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 26.06.1992) // СПС «Гарант».

приговором суда не будет установлена его виновность в преступном злоупотреблении).

Первое десятилетие существования обновленного Российского государства прошло, и вместе с этим пришло осознание необходимости более взвешенного подхода к формированию стандартов ответственности судей. Хотя одним из символов проводимых в данном направлении реформ стала закрепленная в ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» формулировка о том, что «в Российской Федерации не могут издаваться законы и иные нормативные правовые акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей», новые требования и реалии времени и другие, возникающие перед государством не менее значимые задачи обозначили необходимость его фактической корректировки. Во многом правовая определенность в данной сфере стала возможной благодаря выработанным правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) по поводу границ и пределов независимости судей и их ответственности. В частности, в Постановлении от 7 марта 1996 г. № 6-П им было отмечено, что неприкосновенность, в том числе установленная в п. 3 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» усложненный порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи, выступает лишь в качестве процедурного механизма и способ обеспечения независимости судей и не означает освобождения их от уголовной или иной ответственности. При наличии достаточных оснований и с соблюдением установленных в федеральном законодательстве процедур судья за допущенные им нарушения законов может быть привлечен как к уголовной, так и к иной ответственности⁷.

Немного позднее, 15 декабря 2001 г., Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“» был возвращен институт дисциплинарной (введена ст. 12.1) и административной (изложена в новой ред. ст. 16) ответственности судей. В дальнейшем Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П

конкретизировал параметры привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, выделив среди круга возможных судебных ошибок два вида: первый — неумышленные судебные ошибки ординарного характера, которые возникают в ходе разрешения конкретного дела при толковании и применении норм материального или процессуального права и подлежат исправлению вышестоящими судебными инстанциями, не дискредитируют априори лиц, их допустивших, не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания; второй — ошибки, которые являются следствием некомпетентности или небрежности судьи, т.е. недобросовестного исполнения им функции по отправлению правосудия, приводящего к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и грубому нарушению прав участников процесса, и могут являться основанием для применения к нему мер дисциплинарной ответственности как за однократное грубое нарушение, так и за совокупность негрубых нарушений подобного рода⁸. Таким образом, возвращенный институт дисциплинарной ответственности судей приобрел вполне зримые очертания, а впоследствии был даже расширен путем установления новых видов дисциплинарных взысканий: в 2013 г. — замечания⁹, в 2018 г. — понижения в квалификационном классе¹⁰.

На фоне общегосударственной и международной борьбы с коррупцией Российской Федерацией была ратифицирована Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., а также Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ и статей 19, 21 и 22 Федерального закона „Об органах судейского сообщества в Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко» // СПС «Гарант».

⁹ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“» // СПС «Гарант».

¹⁰ Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ и Федеральный закон „Об органах судейского сообщества в Российской Федерации“» // СПС «Гарант».

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 1996 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // СПС «Гарант».

Также был принят Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», по инициативе Следственного комитета РФ введен ряд уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер в отношении ряда спецсубъектов. Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ¹¹ положения о необходимости получать заключение судебной коллегии в составе трех судей из ст. 448 УПК РФ были исключены, что значительно упростило процедуру привлечения судьи к уголовной ответственности.

Изменения в процедуре привлечения судей к ответственности коснулись и правил определения подсудности уголовных дел с их участием. Изначально в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» было закреплено право даже не ходатайства, а требования судьи на рассмотрение его дела исключительно Верховным Судом РФ. В 2010 г. Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ эта подсудность была «понижена», а полномочия по рассмотрению указанных дел переданы от Верховного Суда РФ к верховным судам республик, краевым или областным судам, судам городов федерального значения, суду автономной области, судам автономных округов, окружным (флотским) военным судам¹². Согласно пояснительной записке к законопроекту № 433-ФЗ, целью этого нововведения явилось «изменение проверочных инстанций в уголовном процессе (новые полномочия апелляционного, кассационного и надзорного пересмотра), перераспределение подсудности в целях приближения правосудия к месту совершения преступления, месту проживания участников судопроизводства, обеспечение каждому права на пересмотр приговора вышестоящим судом» и т. п.

Правила определения подсудности были конкретизированы и в отношении рассмотрения материалов о проведении оператив-

но-разыскных мероприятий в отношении судьи для проверки его причастности к совершению преступления. Постановлением Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П¹³ была обоснована, а впоследствии Федеральным законом от 10 июля 2012 г. № 114-ФЗ¹⁴ закреплена в законодательстве возможность расширения территориальной подсудности рассмотрения этих вопросов: при наличии обоснованных опасений относительно возможности рассекречивания оперативно-разыскных мероприятий, планируемых в отношении судьи, материалы о на основании решения Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя, принятого по результатам рассмотрения ходатайства органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, могут быть переданы для рассмотрения в иной равнозначный суд.

И еще один важный стандарт привлечения судьи к ответственности за принятый им неправосудный судебный акт был установлен благодаря правовой позиции Конституционного Суда РФ, высказанной в Постановлении от 18 декабря 2011 г. № 23-П и отраженной федеральным законодателем¹⁵: должен, безусловно, учитываться принцип обязательности судебных актов, их неукоснительного исполнения на всей территории Российской Федерации и опровержимости только в судебном порядке в специальных, предусмотренных законом процедурах. Вступивший в законную силу, не отмененный и не измененный судебный акт не может рассматриваться как неправосудный, поскольку отсутствие подтверждения в установленном порядке незаконности и необоснованности этого судебного акта вышестоящей судебной инстанцией презюмирует его правосудность. А потому не допускается возбуждение в отношении судьи уголовного дела по при-

¹¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона „О противодействии коррупции“» // СПС «Гарант».

¹² Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СПС «Гарант».

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2011 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ и части первой статьи 9 Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“ в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова» // СПС «Гарант».

¹⁴ Федеральный закон от 10 июля 2012 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“ и статью 9 Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“» // СПС «Гарант».

¹⁵ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

знакам преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в случае, если соответствующий судебный акт, вынесенный этим судьей или с его участием, вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке как неправосудный.

Следует обратить внимание, что каждый раз предпринимавшееся реформирование процессуального и отраслевого законодательства, которым затрагивалась процедура привлечения судей к ответственности, воспринималось настороженно, нередко с утверждениями о неприемлемости его направленности на снижение важнейших судебных гарантий и т.п.¹⁶

Однако сегодня можно говорить, что в результате принятых изменений законодательства каких-либо «коренных изменений в представлении о правосудии» и «утраты самостоятельности судебной власти», которых опасались ученые и правоприменители, не произошло. Нельзя не учитывать, что независимость судей не является абсолютной, самозамкнутой категорией и поиск баланса между независимостью и ответственностью судьи является одной из важнейших сфер исследования ученых¹⁷. Упрощение же процес-

суальных процедур, расширившее возможности привлечения судей как к уголовной, так и к иным видам ответственности за собственное противоправное поведение, само по себе не стало свидетельством ущемления их независимости. По данным Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, за 2021 г. Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации (далее — ВККС РФ) к дисциплинарной ответственности были привлечены 187 судей, это на 37 больше, чем в 2020 г. ВККС РФ в 2021 г. дано согласие на возбуждение уголовных дел и на привлечение в качестве обвиняемых по уголовным делам в отношении 28 судей, а в отношении двух дано согласие на исполнение судебных решений об избрании мер пресечения¹⁸.

Следует согласиться, что ответственностью «уравновешивается» независимость судей¹⁹. Также необходимо подчеркнуть высказанные в отмеченных выше постановлениях Конституционного Суда РФ правовые позиции о том, что «статус судьи накладывает на них повышенную меру ответственности и обуславливает необходимость баланса между обеспечением независимости и ответственности судьи», «баланса между независимостью судьи, которая сама по себе не предполагает бесконтрольности и безответственности, и его обязательствами перед обществом».

Наоборот, это подчеркивает тенденцию развития современного законодательства, направленную на укрепление авторитета судебной власти через «механизмы самоочищения», которые имеют повышенную значимость, в первую очередь для самой судебной системы²⁰.

¹⁶ Адушкин Ю., Жидков В. Дисциплинарная и административная ответственность судей: за и против // Российская юстиция. 2001. № 11. С. 24–26; Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Проспект, 2010; Салимзянова Р.Р. Нравственные начала судебной деятельности: история и современность // СПС «Гарант»; Колесников Е.В., Селезнева Н.М. О повышении ответственности судей в Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 3; Сидоренко Ю.И. Судебная контрреформа // Независимая газета. 2001. 16 мая; Радутная Н.В. Покушение на неприкосновенность судьи // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 11; и др.

¹⁷ См., напр.: Терехин В.А., Козырькова Т.В. Некоторые проблемы легитимности судебной власти в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12; Бурдина Е.В. Форма дисциплинарного органа для судей: дисциплинарный суд или орган судейского сообщества? // Lex Russica. 2014. № 11; Рожкова М.А. Независимость судей как гарантия беспристрастного применения закона // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5; и др.

¹⁸ Бурнов В. Российские судьи стали чаще совершать дисциплинарные проступки — Лебедев. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20220415/307891409.html (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁹ Ермошин Г.Т. Ответственность судьи (часть 1) // Российский судья. 2013. № 8.

²⁰ Эбзеев Б.С. Прошлое, настоящее и будущее правосудия // Журнал российского права. 2013. № 1.

Литература

1. Адушкин Ю. Дисциплинарная и административная ответственность судей: за и против / Ю. Адушкин, В. Жидков // Российская юстиция. 2001. № 11. С. 24–26.
2. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Е.Ю. Бархатова. Москва: Проспект, 2010. 377 с.
3. Бурдина Е.В. Форма дисциплинарного органа для судей: дисциплинарный суд или орган судейского сообщества? / Е.В. Бурдина // Lex Russica. 2014. Т. 96. № 11. С. 1360–1366.
4. Бурнов В. Российские судьи стали чаще совершать дисциплинарные проступки — Лебедев / В. Бурнов. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20220415/307891409.html
5. Волков В.В. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / В.В. Волков, А.В. Дмитриева, М.Л. Поздняков, К.Д. Титаев; под редакцией

- В. Волкова. Санкт-Петербург : Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 60 с.
6. Ермошин Г.Т. Ответственность судьи (часть 1) / Г.Т. Ермошин // Российский судья. 2013. № 8. С. 32–34.
7. Колесников Е.В. О повышении ответственности судей в Российской Федерации / Е.В. Колесников, Н.М. Селезнева // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 22–33.
8. Радутная Н.В. Покушение на неприкосновенность судьи / Н.В. Радутная // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 11–12.
9. Рожкова М.А. Независимость судей как гарантия беспристрастного применения закона / М.А. Рожкова // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 156–160.
10. Салимзянова Р.Р. Нравственные начала судебной деятельности: история и современность / Р.Р. Салимзянова // Справочная правовая система «Гарант».
11. Сидоренко Ю.И. Судебная контрреформа / Ю.И. Сидоренко // Независимая газета. 2001. 16 мая.
12. Терехин В.А. Некоторые проблемы легитимности судебной власти в Российской Федерации / В.А. Терехин, Т.В. Козырькова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12. С. 41–48.
13. Ткачев В. От Кодекса чести судьи к Кодексу судейской этики / В. Ткачев // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 68–70.
14. Эбзеев Б.С. Прошлое, настоящее и будущее правосудия / Б.С. Эбзеев // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 123–130.

DOI: 10.18572/2072-3636-2022-3-40-43

Российское судоустроительное право (исторический аспект)

Мехренцева Наталья Анатольевна,

доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук
nmehrentseva@yandex.ru

Папулова Зоя Александровна,

доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук
zoya.papulova@mail.ru

В статье анализируются основные исторические вехи становления российского судоустроительного права как отдельной самостоятельной отрасли, формулируются выводы об отсутствии разработанного понятийного аппарата, комплексного осмысления судоустроительных нормативных актов и отсутствии баланса между судоустроительными и судопроизводственными началами.

Ключевые слова: судебная система, судоустройство, судопроизводство, принципы судоустройства, развитие судебной системы.

11 ноября 2022 г. исполнится 100 лет со дня принятия Постановления ВЦИК «О введении в действие положения о судоустройстве РСФСР». По существу, это первый законодательный акт, который на новом уровне, наиболее комплексно, после первых декретов о суде регламентировал судоустройство постреволюционной России. Именно в нем были отражены концептуальные начала организации судебных органов, просуществовавших весь советский период

и повлиявших на судебную систему современности.

Примечательно, что именно в 20-е годы XX в. и законодатель, и представители науки уделяли особое внимание судоустройству: в учебных планах юридических вузов появилась соответствующая учебная дисциплина «Судоустройство», были изданы первые крупные работы, в том числе методического содержания, на конференциях и съездах работников юстиции разгорались жаркие

дебаты о месте судостроительства и особенно в формировании судебных учреждений¹.

В последующие периоды дискуссии о статусе судостроительства как самостоятельной отрасли права развивались волнообразно: то теряя актуальность, то вновь привлекая внимание, в связи с чем в данной статье рассмотрим основные исторические вехи, повлиявшие на современное восприятие данной области знания.

В целом вопросам судостроительства в каждом государстве всегда придавалось большое значение. Некоторыми авторами судебная власть сама по себе воспринимается как совокупность нижестоящих и вышестоящих судов, выносящих судебное решение. Еще И.Л. Фойницкий писал, что судебная власть в узком смысле образует систему подчиненных закону органов, призванных к применению закона в порядке судебного производства².

Известные судебные реформы начинались именно с изменений, вносимых в устройство суда, систему его органов, в вопросы судебного управления, правового положения судей и т.п. Разумеется, огромное значение реформаторами придавалось и развитию материального и процессуального права, и в результате достигалось определенное равновесие в построении и функционировании системы органов государства, призванных осуществлять правосудие.

Однако абсолютная гармония не достигалась никогда: то организация судебной системы тормозила развитие судебной деятельности (например, доступ к правосудию был затруднен перегруженностью основного звена судебной системы — районных (городских) судов, а обращение в надзорную инстанцию было невозможно в связи с предоставлением права принесения надзорных протестов только лицам, строго указанным в законе), то деятельность не вписывалась в существующие судостроительные нормы.

Процессуальные отрасли права традиционно существуют как профилирующие, базовые, фундаментальные образования, характеризующиеся юридической чистотой, яркой контрастностью, являются юридически первичными³.

Парадоксом является то, что судостроительство по-прежнему выступает неким

придатком процессуальных отраслей права. В советской системе права сложно было обосновать судостроительство как отрасль права — предмет регулирования был достаточно скромным. Общепринятой была точка зрения о том, что судостроительство является подотраслью советского государственного (конституционного) права.

В структуре судебной власти, элементам которой являются деятельность по осуществлению правосудия, надзор за судебной деятельностью нижестоящих судов, судебный конституционный контроль, судебный контроль в области исполнительной власти, судостроительство занимает свою особую нишу, особое место.

Многолетие дискуссиями являются категории судебной власти, правосудия, их соотношение и взаимодействия между собой, равно как и судостроительство и судопроизводство.

В юридической литературе разработка категорий, определяющих весь механизм судебной власти, не завершена. Тем не менее представляется, что этот механизм глобально состоит из организации и деятельности суда, то есть из судостроительства и судопроизводства, а к числу элементов, внутренних и внешних функций и форм могут быть отнесены и иные.

Кроме того, общепринятой доктринальной традицией является то, что судостроительство и процессуальные проблемы обычно в юридической литературе рассматриваются объединенно, но отдельно от вопросов материального права. Однако судебная власть реализуется именно по поводу нарушения норм материального права, и в структуре судебной власти материальные, процессуальные, судостроительные аспекты существуют в единстве.

Понятие «судостроительство» известно российскому законодательству и юридической науке достаточно давно.

«Всякий, кто изучал историю русского права, знает, до какой степени древнее судостроительство тесно связано с управлением и как первое трудно отделить от последнего»⁴.

Фактически о судостроительстве можно говорить с момента законодательного закрепления слова «суд» и с образованием в государстве некоторой системы органов и лиц, полномочных вершить правосудие.

Псковская судная грамота уже отражает судостроительство и судопроизводство, харак-

¹ См., напр.: Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР: Лекции по теории и истории судостроительства. М., 1923. С. 9—10.

² Фойницкий И.Л. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1896—1899. Т. 1. С. 158.

³ Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 194.

⁴ Дмитриев Р.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 4.

терные республиканской форме правления (система судов, их компетенция, полномочия, Верховный судья — князь, судебными полномочиями наделяются посадники, наместники, сотские городского происхождения).

Судебник 1497 г. разделяет систему судов на центральную и местную (высшая судебная власть вручается Великому князю; на следующей ступени располагаются Боярская Дума; низшее звено — приказы). Боярская Дума — первая инстанция для собственных членов и высоких чинов и апелляция по отношению к нижестоящим судам. Местные суды — наместники и волостели. Определяется и штат судебных работников — недельщики, доводчики.

Благодаря Судебнику институт судебной власти был упорядочен — в государстве появилась единая система судов, отправляющих правосудие по общим для всех судов законам и единым процессуальным нормам.

Соборное уложение 1649 г. содержало отдельную главу «О судах», которая начиналась с определения видов судов, и центральных, и местных.

Великая Судебная реформа XIX в. огромное значение придавала вопросам судостроительства, ибо дореформенную совокупность «судебных мест» назвать системой в полном смысле этого слова было невозможно (уездные суды, магистраты и ратуши, надворные суды, межевые конторы, коммерческие суды, совестные, третейские, волостные суды).

В теории судостроительства, господствовавшей в период, непосредственно предшествовавший Судебной реформе 1864 г., было принято различать два типа судебных систем: французскую и английскую.

Суть французской судебной системы заключается в том, что все ее установления, а говоря современным языком — звенья, образуют единое целое, состоящее из нескольких последовательных инстанций, с подчинением низших высшим (мировые судьи, суды трибуналов исправительной полиции: первая инстанция по определенным категориям дел и апелляция для мировых судей), суды республики — первая инстанция с участием присяжных заседателей по делам о тяжких нарушениях уголовного законодательства и апелляция для трибуналов исправительной полиции, Кассационный суд — высший судебный орган.

Английская судебная система единства не представляла, а по выражению И.Л. Фойницкого, напоминала сшитое из разных лоскутов платье Арлекино⁵.

⁵ Фойницкий И.Л. Указ. соч. С. 323–326.

Российский законодатель при создании новой судебной системы избрал средний путь. Судебная система Российской империи состояла из следующих звеньев:

1) мировые судьи (местные судебные установления);

2) общие судебные места (общие суды, отсюда современное название судов общей юрисдикции);

3) окружные суды — судебная палата — Верховный кассационный суд.

Территорией их юрисдикции был судебный округ, не совпадавший с административно-территориальным делением (уезд, губерния).

Судебные палаты были судами II (апелляционной) инстанции, их юрисдикция распространялась на несколько губерний.

Высшим судебным и надзорным органом был Правительствующий Сенат.

Еще раз подчеркнем, что Учреждение судебных установлений и было первым судостроительным кодексом России (в том числе Военно-судебный устав).

Структурно Военно-судебный устав состоял из двух частей: «Судостроительство» и «Судопроизводство». Следует отметить, что вопросы подсудности относились к судопроизводству.

Как известно, на рубеже веков, начиная с 80-х гг. XIX в., в российском судостроительстве начались процессы, которые принято именовать контрреформой, а с октября 1917 г. Декретом о суде № 1 были упразднены все дореволюционные судебные установления и начался советский период развития судебной системы нашего государства.

Как и все предыдущие изменения, в организации судебной системы (реформы и контрреформы) всегда имели место политические и иные предпосылки, связанные с конкретно историческим этапом развития государства. Советское государство с самого начала строилось как государство, основанное на началах централизации.

Советская система судостроительства и судопроизводства представляла собой особый исторический тип с имманентно присущими качественными признаками.

Природа советского судостроительства и судопроизводства двуединая. Прежде всего, они сформировались и развивались на основе отрицания предыдущей буржуазной по своей сущности государственности, что выразилось в сломе дореволюционной судебной системы, ликвидации практически всех ее звеньев. Судебные учреждения не реформировались, они были сметены до основания⁶.

⁶ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. М., 2003. Т. 5. С. 12.

В советской системе, где основным звеном стал новый народный суд, создавались судебные органы специальной юрисдикции — революционные трибуналы, военно-полевые суды, а также административные органы, осуществляющие судебные функции, — органы внесудебной расправы (административные комиссии НКВД, судебная коллегия ОГПУ СССР, а на местах — «двойки» и «тройки»).

Конституция 1918 г. не содержала раздела о судебных органах. Различные нормативные акты, действовавшие с 1917 по 1924 г., устанавливали, что низовым звеном становятся народные суды, вышестоящими — губернские, областные, окружные.

Основными этапными судеустройственными нормативными актами были: первые Декреты о суде (№ 1, 2, 3); Положение о народном суде 1918 г.; Положение о народном суде 1920 г.; Положение о судеустройстве РСФСР 1922 г.; Основы судеустройства СССР и Союзных республик 1924 г.; Положение о Верховном суде СССР и Прокуратуре Верховного суда СССР 1933 г.; Закон о судеустройстве СССР, Союзных и автономных Республик 1938 г.; Положение о Верховном суде СССР 1957 г.; Основы Законодательства о судеустройстве СССР, союзных и автономных Республик 1958 г.; Положение о военных трибуналах 1958 г.; Закон «О Верховном суде СССР» 1979 г.; Закон о судеустройстве в РСФСР 1981 г.

Практически весь советский период вопросы организации суда регулировались конституционным законодательством — Конституциями СССР 1936 и 1977 г., где отдельные главы о суде достаточно подробно регламентировали положения о принципах правосудия и судебной системе.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. организации судебной системы посвящена глава 7 «Судебная власть».

Современная судебная система Российской Федерации, организация которой регулируется целым пакетом судеустройственных нормативных актов, продолжает развиваться с учетом нерешенных ранее и новых запросов и вызовов.

Жизнь изменяется стремительно, и то, что совсем недавно казалось незыблемым, уже забыто. Так, в августе 2014 г. был ликвидирован Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, венчавший систему арбитражных судов. Его полномочия были переданы Верховному Суду Российской Федерации. Такие изменения внезапно привели к победе взглядов тех ученых, которые еще в начале 90-х гг. XX в. говорили о нецелесообразности существования «трехглавой» судебной системы, законодательно превратив ее в «двуглавую».

С осени 2019 г. начали работу апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, изменившие своим появлением порядок обжалования вынесенных судебных актов и изъяв функции пересмотра у областных и соответствующих судов, выполнявших эту работу десятилетиями. Кроме того, аналогичный апелляционный и кассационный суд появились также и в системе военных судов. Такие судеустройственные реформы повлекли за собой и изменение процессуального законодательства.

Не осталась в стороне от реформ и конституционная юстиция. Так, с 1 января 2023 г. прекратят свою деятельность конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, по существу, ликвидируя дискуссию о существовании судов субъектов в противовес федеральным.

Старый же спор о приоритете развития судеустройства или судепроизводства на некоторое время решен в пользу инструмента судебной власти — организации судебной системы, подтверждая точку зрения о самостоятельности судеустройства как отрасли права.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : БЕК, 1995. 311 с.
2. Дмитриев Р.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судепроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях / Р.М. Дмитриев. Москва : Университетская типография, 1859. 580 с.
3. Крыленко Н.В. Судеустройство РСФСР: Лекции по теории и истории судеустройства / Н.К. Крыленко. Москва : Юридическое издательство НКЮ, 1923. 406 с.
4. Кутафин О.Е. Судебная власть в России: история, документы. В 6 томах. Т. 5 : Советское государство / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. Москва : Мысль, 2003. 829 с.
5. Фойницкий И.Л. Курс уголовного судепроизводства. В 2 томах. Т. 1 / И.Л. Фойницкий. Санкт-Петербург : Изд. В. Лесников, 1896—1899. 624 с.

Межотраслевой принцип языка судопроизводства в российском и армянском праве (сравнительный анализ)

Илюхина Вера Александровна,
доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права
Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний —
(Академии ФСИН России),
старший научный сотрудник Научного центра
Нижегородского института управления —
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
eva3011@bk.ru

В статье проводится сравнительный анализ принципа языка судопроизводства в современном российском и армянском праве. Автор приходит к выводу, что сущность конституционного межотраслевого процессуального принципа языка судопроизводства заключается не только в том, что судопроизводство и делопроизводство ведется в судах на государственном языке, но и в гарантиях, предоставляемых лицам, не владеющим этим языком. Выделяется общее и особенное в закреплении принципа языка судопроизводства в российском и армянском законодательстве.

Ключевые слова: принципы права, принцип языка судопроизводства, межотраслевые принципы права, компаративистское исследование, российское право, армянское право.

Для современных государств традиционным является официальное установление государственного языка (в ряде случаев — нескольких государственных языков). Как правило, закрепление этой нормы имеет место на конституционном уровне, а также в специальном законодательстве. Одним из обязательных аспектов применения государственного языка является ведение судопроизводства на нем.

В данной статье мы проведем компаративистский анализ принципа языка судопроизводства в Российской Федерации и Республике Армения. Нормативной основой для сравнения нам послужат Конституции обоих государств, специальные законы о языке, законодательство о судебной системе и отраслевые процессуальные кодексы.

Часть 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) устанавливает, что государственным языком Российской Федерации является русский язык. В ст. 20 «Государственный язык Республики Армения» Конституции Республики Армения (далее — Конституция РА) (в отличие от Конституции РФ в действующей Конституции РА статьи имеют названия) устанавливается, что государственным языком Армении является армянский язык. При этом нужно учитывать, что Россия является федеративным государством, а Армения — унитарным,

и это не могло не отразиться на нормах о государственном языке. И в России, и в Армении, естественно, всячески охраняются языки разных народов, проживающих на их территориях, и поощряется их развитие. Однако федеративное устройство повлияло в Российской Федерации на нормы о государственном языке. Так, в ч. 2 ст. 68 Конституции РФ закрепляется право республик в составе Российской Федерации устанавливать собственные государственные языки, которые в их органах государственной власти, органах местного самоуправления и государственных учреждениях употребляются наряду с русским языком. В Республике Армения такой нормы нет и быть не может в силу унитарной формы государственного устройства.

Конституционные нормы о государственном языке нашли конкретизацию в специальном законодательстве о языке. В России это Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»), а в Армении — Закон Республики Армения от 17 апреля 1993 г. № ЗР-52 «О языке» (далее — Закон РА «О языке»). В п. 4 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» прямо указывается, что русский

язык подлежит обязательному использованию «в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации». В Законе РА «О языке» такой четкой формулировки нет, но ст. 4 обязывает государственные органы, предприятия, учреждения и организации в Республики Армения вести делопроизводство на армянском языке.

Что касается именно судебной сферы, то правила о языке судопроизводства зафиксированы в России в ст. 10 «Язык судопроизводства и делопроизводства в судах», входящей в главу 1 «Общие положения» Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее — Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»), а в Армении — в ст. 12 «Язык судопроизводства», входящей в главу 2 «Принципы организации и деятельности судов» Конституционного закона Республики Армения от 10 февраля 2018 г. № ЗР-95 «Судебный кодекс Республики Армения». Таким образом, принцип языка судопроизводства дважды закреплён в конституционном законодательстве и России, и Армении: первый раз — непосредственно в текстах Конституций, второй раз — в конституционных законах.

В названных выше нормативных правовых актах содержатся единые и обобщенные правила применения принципа языка судопроизводства без какого-либо разделения его на отдельные виды. Однако следует понимать, что в Российской Федерации это конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное судопроизводство (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ), а в Республике Армения — то же самое, кроме арбитражного судопроизводства (рассмотрение экономических споров производится в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Армения (далее — ГПК РА)). Причем ни в Конституции РА, ни в Судебном кодексе Республики Армения виды судопроизводства не называются.

Рассмотрим содержание принципа языка судопроизводства на основании указанных выше нормативных правовых актов.

В российском законодательстве устанавливается, что судопроизводство в судах общей юрисдикции может вестись безальтернативно только на русском языке (в ч. 1 ст. 10 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» дан исчерпывающий их перечень: Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, кассационные суды общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, военные суды) или альтернативно на русском языке либо на государственном языке республик, на территории которых находится суд. Обратим внимание, что речь идет только о таком виде субъектов Российской Федерации (далее — субъект РФ), как республика.

В других видах субъектов, в том числе и образованных по национальному принципу, судопроизводство ведется только на русском языке. Такое положение стало основанием для предложений некоторых авторов о введении в законодательство норм такого рода: «В судах, находящихся на территории автономной области, автономного округа, судопроизводство ведется, в зависимости от участников процесса, либо на русском языке, либо на языке большинства населения»¹. Несомненно, в этом предложении имеется логика, однако при его реализации мы видим как минимум две проблемы: формально-юридическую и практическую. Первая заключается в том, что ни в каких субъектах, кроме республик, не предусмотрен иной государственный язык, кроме русского. Вторая же проблема состоит в том, что весьма проблематично определить значение понятия «языка большинства населения». Возникает вопрос о территории, о которой идет речь (субъект Федерации в целом, район, отдельный населенный пункт), и о том, какие показатели (абсолютные или относительные) можно рассматривать в качестве «большинства населения».

Что касается мировых судей субъектов РФ и других судов субъектов РФ, то в соответствии с ч. 2 ст. 10 Федерального конституционного закона «О судебной системе

¹ Домрачев И.Г. Принцип языка судопроизводства в гражданском процессе РСФСР и Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 93. Обратим внимание, что предложения И.Г. Домрачева касаются только изменения ст. 9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ).

Российской Федерации» судопроизводство и делопроизводство осуществляется в них либо на русском языке, либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд. Такая формулировка означает, что и в судах субъектов ведение процессов не на русском языке возможно исключительно в республиках (причем только в том случае, если в них установлен иной государственный язык, кроме русского).

В Республике Армения в силу ее унитарного государственного устройства в этом аспекте ситуация значительно проще, чем в Российской Федерации. В ч. 1 ст. 12 Конституционного закона Республики Армения «Судебный кодекс Республики Армения» (далее — Судебный кодекс РА) безоговорочно устанавливается, что языком судопроизводства является армянский язык. По общему правилу все документы представляются в судебные органы на армянском языке или с надлежащим переводом на армянский язык. Все государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица должны принимать участие в судопроизводстве на армянском языке. При этом в ч. 3 названной статьи Судебного кодекса РА устанавливается, что каждый вправе принимать участие в судопроизводстве на предпочтительном для него языке, но это возможно только в том случае, если он обеспечивает надлежащий перевод на армянский язык.

Сущность принципа языка судопроизводства заключается не только в том, что судопроизводство и делопроизводство в судах ведется на государственном языке, но и в гарантиях, предоставляемых лицам, не владеющим или плохо владеющим государственным языком. В российском конституционном законодательстве эти гарантии прописаны очень схематично. Так, в ч. 3 ст. 10 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» лица, участвующие в деле и не владеющие языком судопроизводства, обеспечиваются правом «выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика». Конкретизация этого правила в данном нормативном правовом акте отсутствует.

В аналогичном конституционном законе Армении ситуация совсем иная — законодатель более подробно прописал гарантии лицам, не владеющим языком судопроизводства. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 12 Су-

дебного кодекса РА суд обязан обеспечить за государственный счет услугами переводчика лицо, не владеющее армянским языком. Исключение составляют те случаи, когда обвиняемый в силу каких-то причин желает обеспечить перевод за свой счет.

В обязательном порядке за государственный счет услуги переводчика обеспечиваются только обвиняемому в уголовном деле. Участники административного и гражданского судопроизводства, а также лица, имеющие статус пострадавшего в уголовном деле, обеспечиваются услугами переводчика за государственный счет только в том случае, если «он не имеет возможности коммуникации на армянском языке и доказывает, что не имеет достаточных средств для обеспечения оплачиваемого перевода» (ч. 6 ст. 12 Судебного кодекса РА).

В отличие от Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» в Судебном кодексе РА закреплен целый комплекс гарантий, связанных с осуществлением судопроизводства, лицам с инвалидностью (ч. 7–9 ст. 12). Так, если инвалидность связана со слухом или речью, то инвалид по аналогии с переводчиком обеспечивается сурдопереводчиком. Если инвалидность связана со зрением, то по уголовным делам лицо, участвующее в деле, доступность процессуальных документов и судебных актов обеспечивает путем предоставления помощника за государственный счет. Что касается аналогичной ситуации в административном и гражданском деле, то получение помощника за счет государства возможно только в том случае, если инвалид докажет, что не имеет достаточных средств на оплату услуг помощника. В этом случае бесплатный помощник назначается по решению суда.

Принцип языка судопроизводства, что вполне естественно, нашел закрепление и на уровне процессуального законодательства — он содержится абсолютно во всех процессуальных кодексах России и Армении. Так, ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) называется «Язык уголовного судопроизводства», ст. 9 ГПК РФ — «Язык гражданского судопроизводства», ст. 12 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) — «Язык, на котором ведется административное судопроизводство» и ст. 12 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) — «Язык

судопроизводства», ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения (далее — УПК РА) называется «Язык уголовного судопроизводства», ст. 16 ГПК РА — «Язык судопроизводства» и ст. 9 КАС РФ — «Язык административного судопроизводства». Таким образом, мы видим, что во всех процессуальных кодексах России и Армении соответствующие статьи имеют однотипные названия, содержащие два ключевых слова — «язык» и «судопроизводство(а)». Причем в большинстве случаев конкретизируется, о каком судопроизводстве идет речь (уголовном, гражданском, административном).

И в российском, и в армянском законодательстве отсутствует раскрытие содержания понятий «невладение языком» и «недостаточное владение языком». На практике (по крайней мере в Российской Федерации) это приводит к тому, что отдельные лица, реально владея русским языком, требуют привлечения переводчика к участию в процессе. Судебная практика часто идет по пути отклонения такого рода ходатайств с мотивировкой о злоупотреблении гражданами соответствующим правом². Вряд ли целесообразно включать раскрытие этих понятий в текст процессуального законодательства. А вот постановление пленума Верховного Суда РФ с четкими разъяснениями на этот счет, на наш взгляд, необходимо.

Сравнение процессуального законодательства России и Армении по вопросу языка судопроизводства приводит к выводу, что оно значительно отличается по объему. Во всех случаях законодательство Республики Армения более детально регламентирует данный вопрос. Это касается и формального аспекта — количества частей в соответствующих статьях (в кодексах Армении — 7 или 9 частей в статьях, в российских кодексах —

2 или 3 части) и круга охватываемых вопросов. Во всех случаях в отраслевом законодательстве обоих государств имеет место дублирование и конкретизация конституционных положений. В первую очередь в ч. 1 статей о языке судопроизводства в кодифицированных актах дублируется положение о том, что судопроизводство ведется в России на русском языке, а Армении — на армянском. Также в процессуальных кодексах Российской Федерации делаются указания на возможность ведения судопроизводства в республиках на их государственном языке.

В российском процессуальном законодательстве, в котором закрепляется принцип языка судопроизводства, также закрепляются гарантии лицам, участвующим в деле и не владеющим языком судопроизводства. По сути, они дублируют аналогичные нормы Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», немного конкретизируя их: суд разъясняет и обеспечивает этим лицам возможность знакомиться с материалами дела, участвовать в различных действиях, выступать в суде на родном языке или свободно выбранном языке общения, пользоваться услугами переводчика в соответствии с законом. Сущностным отличием уголовно-процессуального законодательства от гражданского в данном случае является то, что в определенных случаях лицу, не владеющему языком судопроизводства, переводчик предоставляется бесплатно. В остальных судопроизводствах предоставление бесплатного судопроизводства не предусматривается. Кроме того, особенностью уголовно-процессуального судопроизводства является то, что документы, которые подлежат обязательному вручению его участникам, обязательно должны быть переведены их родной язык или язык, которым они владеют.

Процессуальным законодательством Армении устанавливается требование ведения судопроизводства и делопроизводства на армянском языке. При этом лица, участвующие в судопроизводстве, вправе выступать на ином языке, чем армянский. В гражданском и административном судопроизводстве это возможно, если стороны смогут обеспечить перевод на армянский язык. Участники судопроизводства в случае, если докажут, что не имеют возможности общаться на армянском языке и не имеют средств для обеспечения перевода, обладают правом на обеспечение услугами переводчика за государственный счет.

² Каац М.Э. О содержательной составляющей принципа языка уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 209. DOI: 10.24412/2587-9820-2021-3-204-211; Вилкова Т.Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: содержание и гарантии // Журнал российского права. 2014. № 10(214). С. 91. DOI: 10.12737/5779; Гапонова В.Н., Попова И.П. Действие принципа языка уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики // Личность, общество и государство в правовом измерении: материалы Национальной научно-практической конференции (г. Иркутск, 22 марта 2021 г.): сб. науч. ст. / Ю.В. Пятковская, И.Г. Смирнова, Л.В. Санина, М.И. Казарина; отв. ред. В.В. Игнатенко. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 319.

В уголовном судопроизводстве обвиняемому, не владеющему армянским языком, по общему правилу услуги переводчика обеспечиваются за государственный счет.

В ст. 9 Кодекса административного судопроизводства Республики Армения (далее — КАС РА) также отдельно закреплены нормы, касающиеся переводчика. В частности, в ч. 3 указанной статьи делается акцент на профессионализм переводчика — ни судьи, ни стороны, ни свидетели, ни представители не вправе выполнять функции переводчика, даже если они владеют языком, который необходим для перевода. Часть 5 той же статьи КАС РА наделяет переводчика правом задавать вопросы для уточнения перевода, знакомиться с протоколами, а также делать замечания, касающиеся протоколирования перевода. Наконец, в ч. 6 ст. 9 КАС РА содержится норма, в соответствии с которой переводчик в обязательном порядке предупреждается об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод.

Равно, как Судебный кодекс РА (ч. 7–9 ст. 12), все процессуальные кодексы Армении содержат комплекс норм, гарантирующих реализацию принципа языка судопроизводства для лиц, имеющих инвалидность. Правда, в содержательном плане нормы КАС РА (ч. 7–9 ст. 9), ГПК РА (ч. 5–7 ст. 16), Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения (далее — УПК РА) (ч. 5–7 ст. 15) практически идентичны и по сравнению с Судебным кодексом РА ничего нового не несут. Тем не менее чрезвычайно важно, что такого рода нормы содержатся не только в конституционном, но и в отраслевом процессуальном законодательстве, так как это способствует пониманию правоприменителем их значимости и не требует обращения судей в процессе рассмотрения дела, непосредственно к Судебному кодексу РА — достаточного использования КАС РА, ГПК РА или УПК РА (соответственно).

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, язык судопроизводства — это принцип права, т.е. одна из нормативно закрепленных исходных идей, лежащих в основе регулирования общественных отношений, связанных с рассмотрением и разрешением судебных споров.

Во-вторых, язык судопроизводства — это межотраслевой принцип и российского, и армянского права. Это принцип исключительно процессуальный. Он действует во всех отраслях процессуального права России (гражданском процессуальном, арбитраж-

ном процессуальном, административном процессуальном и уголовно-процессуальном), а в Армении — в гражданском процессуальном, административном процессуальном и уголовно-процессуальном.

В-третьих, с позиции позитивистской классификации принципов права по источнику их закрепления³ принцип языка судопроизводства относится к конституционным принципам права, продублированным в отраслевом законодательстве.

В-четвертых, сущность конституционного межотраслевого процессуального принципа языка судопроизводства заключается не только в том, что судопроизводство и делопроизводство ведется в судах на государственном языке, но и в гарантиях, предоставляемых лицам, не владеющим этим языком.

В-пятых, при общих концептуальных сходствах принципа языка судопроизводства в России и Армении между его закреплением в соответствующих законодательствах имеются различия. Одно из различий обусловлено разными формами государственного устройства Российской Федерации и Республики Армения. Оно проявляется в том, что в российских республиках допускается ведение судопроизводства и на государственном языке этих республик наряду с русским языком. В Армении в силу ее унитарного государственного устройства судопроизводство ведется исключительно на армянском языке. Другие отличия обуславливаются различиями в подходе законодателя к объему закрепления принципов права в нормативных правовых актах.

В-шестых, в Судебном кодексе РА, ГПК РА, КАС РА и УПК РА принцип языка судопроизводства регламентируется более подробно, чем в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и УПК РФ. Это заключается не только в объеме аналогичных норм, но и в том, что в армянском законодательстве достаточно подробно устанавливаются и гарантируются права инвалидов при осуществлении судопроизводства.

Наконец, в-седьмых, российскому законодателю следует заимствовать армянский опыт закрепления в процессуальном законодательстве норм, гарантирующих инвалидам возможность реализации принципа судопроизводства в российских судах.

³ См. подр.: Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.

Литература

1. Вилкова Т.Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: содержание и гарантии / Т.Ю. Вилкова // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 88–98. DOI: 10.12737/5779
2. Гапонова В.Н. Действие принципа языка уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики / В.Н. Гапонова, И.П. Попова // Личность, общество и государство в правовом измерении : материалы Национальной научно-практической конференции (г. Иркутск, 22 марта 2021 г.) : сборник научных статей / Ю.В. Пятковская, И.Г. Смирнова, Л.В. Санина, М.И. Казарина ; ответственный редактор В.В. Игнатенко. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2021. С. 317–323.
3. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права / А.А. Демичев // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.
4. Домрачев И.Г. Принцип языка судопроизводства в гражданском процессе РСФСР и Российской Федерации / И.Г. Домрачев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 91–94.
5. Каац М.Э. О содержательной составляющей принципа языка уголовного судопроизводства / М.Э. Каац // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 204–211. DOI: 10.24412/2587-9820-2021-3-204-211

DOI: 10.18572/2072-3636-2022-3-49-53

Статус судебной практики в системе источников права Туркменистана

Аминов Илья Исакович,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Московского политехнического университета,

соискатель Московского государственного института международных отношений

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

кандидат психологических наук, кандидат юридических наук, доцент

aminovii@mail.ru

В контексте существующих в юридической науке подходов к пониманию роли судебной практики в системе источников права, ее значения в процессе дополнительного нормотворчества делается вывод о том, что деятельность туркменских судов не включает правообразовательных полномочий. Основная причина видится в отсутствии при разрешении споров о нарушенном праве функции воздействия на другие ветви государственной власти. Делается вывод о том, что данное обстоятельство формализует существование третьей (судебной) ветви государственной власти. Независимость судебной системы, ее подчинение только закону, руководство внутренним убеждением при принятии судебных решений и другие основополагающие принципы судопроизводства выступают в Туркменистане заявлениями, обращенными не к настоящему, а скорее к будущему состоянию его правовой системы.

Ключевые слова: суд, судебная практика, судебный прецедент, правовое установление, нормотворчество, правоприменение, государства континентального права.

Право органов правосудия на нормотворчество в государствах романо-германской правовой семьи традиционно анализируется в рамках научных споров. Исходными параметрами теоретических дискуссий выступают такие положения, как: равенство полномочий всех ветвей власти, независимость и несвязанность их решений друг от друга; необязательность решений и позиций высших судебных инстанций для нижестоящих в случае рассмотрения однотипных дел; толкование закона в рамках его применения лицом, наделенным судебной властью,

и другие¹. В реалиях современного права уже не вызывает сомнений тот факт, что решения судов не ограничиваются исключительно правоприменительной деятельностью. Многообразие судебной практики выступает неисчерпаемым источником для правотворчества, рождающегося всякий раз в условиях неоднозначности, пробельности, противоречивости действующего законодательства.

¹ Казанцев С.М. Проблема единообразия судебной практики в Российской Федерации // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3. С. 162–163.

Бесспорным является и то, что акты органов судебной власти своими ориентирами в правовой политике формируют модели должного поведения граждан. Особенно это отчетливо прослеживается при судебном рассмотрении резонансных дел, активизирующих конкретные ожидания и притязания как отдельных лиц, так и общества в целом². Интерпретируя и заполняя имеющиеся законодательные пустоты, связуя нормотворчество и нормоприменение, уверованный во благо социальной справедливости судья способен поступить по личному усмотрению, не нарушая, конечно, фундаментальных принципов судопроизводства. Но и законодатель, воспринявший необычные с позиции закона судебные акты, способен закрепить судебные решения в текстах законов.

Актуализация проблемы судебной практики как источника права относительно Туркменистана обусловлена тем, что его Конституция, закрепив положения о правовом государстве (ст. 1), правах и свободах человека как высшей ценности (ст. 7), в ст. 96 возложила на суд задачу исключительной важности — обеспечение защиты прав и свобод гражданина, интересов государства и общества. Однако, для того чтобы дать адекватную оценку значению судебной практики для развития правовой системы Туркмении, следует ответить на следующие вопросы: являются ли туркменские суды (казыеты) полноправными субъектами нормотворчества; способны ли судебные решения инициировать процедуру внесения изменений в действующее законодательство; насколько часто судебные органы сталкиваются с противоречивостью, пробельностью в праве; способен ли, полномочен ли судебный аппарат готовить качественные законопроекты; создаются ли Пленумом Верховного Суда Туркменистана для нижестоящих судов «руководящие прецеденты» (п. 13 ст. 47 Закона Туркменистана «О суде»)?

Отметим, что Закон Туркменистана «О суде»³, несмотря на признание его «одним из самых современных»⁴, не содержит специальной дефиниции, раскрывающей понятие «судебная практика». При этом само понятие «судебная практика» встречается в 17 статьях

этого акта (ст. 18, 29, 30, 31, 34, 35, 38, 44, 45, 47, 48, 64, 65, 90, 92, 93, 95), в каждой из которых говорится о необходимости ее изучения и обобщения судами всех уровней: Верховным Судом⁵, в составе Пленума Верховного Суда, Президиума Верховного Суда, Судебными коллегиями по гражданским, уголовным и арбитражным делам; их председателями (заместителями председателей), велятскими и этрапскими судами, судами городов с правами велята и этрапа в целях ориентации судов на правильное и единообразное применение закона.

Однако столь частое упоминание «судебной практики» в законодательстве Туркменистана не связывается с судебным нормотворчеством (судебным прецедентом, судебным правовоположением), которое в этом государстве не признается источником права. На это указывают, например, положения ст. 3 Гражданского кодекса Туркменистана⁶, относящие к источникам гражданского права только нормативные правовые акты, что характерно, впрочем, и для ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации. Отметим, что такая особенность типична для стран романо-германской группы, где главная роль судебной практики так же, как и в Туркменистане, — не создавать правовые нормы, а защищать права, свободы, честь и достоинство граждан, государственные и общественные интересы, утверждать социальную справедливость (ст. 3 Закона Туркменистана «О суде»).

И все же относительно современной Туркмении имеются правовые основания если не в настоящее время, то в недалеком будущем рассматривать судебную практику в качестве источника права. Среди *внутренних оснований*: возведение на конституционный уровень принципа разделение властей, придавшего судебной власти свойства самостоятельной ветви, равноценной и равноправной с законодательной и исполнительной; внесение со стороны высших судов в рамках законодательной инициативы в Меджлис (нижнюю палату) Милли Генгеша (Парламента) Туркменистана законопроектов; независимость, несменяемость, повышение престижа судебной власти; укомплектованность органов судейского сообщества высокопрофессиональными кадрами и т. д.

⁵ В Туркменистане нет мировых судей, наиболее приближенных к населению, и апелляционной инстанции.

⁶ Гражданский кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-I (в действующей редакции) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1998. № 2. Ст. 39.

² Петрунин Н.В. Судебная практика как источник права // Юридический факт. 2018. № 29. С. 80–82.

³ Закон Туркменистана от 8 ноября 2014 г. «О суде» № 339-VI (в действующей редакции) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2014. № 4. Ст. 135.

⁴ Гильманов И.М., Гильманов М.М. Анализ подсудности судов первой инстанции Туркменистана // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 8 (61). С. 99.

Рассмотрению судебной практики как источника права в определенной мере способствуют вступившие в действие системообразующие акты, диалектически нуждающиеся в дальнейшей конкретизации, детализации (совершенствовании): конституционные нормы о суде (ст. 96–108); новые процессуальные кодексы: Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г., Гражданский процессуальный кодекс Туркменистана от 18 августа 2015 г.; Закон Туркменистана «О суде» от 8 ноября 2014 г.; Закон «Об образовании арбитражного суда Туркменистана» от 14 февраля 2000 г.; Указ Президента Туркменистана «Об утверждении Положения о дисциплинарной ответственности, отзыве и досрочном освобождении судей судов Туркменистана» от 8 сентября 1998 г. Следует отметить и то, что судебная власть в Туркменистане, согласно ст. 3 Закона Туркменистана «О суде», осуществляется посредством арбитражного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Ее эффективность, как и в большинстве государств Европы, повышается за счет увеличения количества специализированных судов — пополнения их новыми коллегиями.

Нормотворчество суда, как известно, зависит от внешних факторов: активности субъектов, которые вправе обращаться в суд с требованием об оспаривании того или иного акта. Согласно действующему законодательству Туркмени в круг этих субъектов наряду с работниками прокуратуры (ч. 2 ст. 35 Закона «О прокуратуре Туркменистана»⁷), входят граждане (ст. 60 Конституции Туркменистана и ст. 1, 2 Закона «О суде»), которым вместе с иностранными гражданами и лицами без гражданства гарантируется правовая защищенность. При этом данным субъектам достаточно доказать только факт нарушения своих прав. Они освобождаются от обязанности доказывать незаконность обжалуемого акта. Напротив, должностное лицо или орган, издавший оспариваемый акт, обязан документально подтвердить законность данного акта. При этом отметим, что в отличие от Конституции Туркменистана, в Конституции Российской Федерации установлен более широкий круг субъектов, имеющих вправо обращаться в суд с требованием об оспаривании акта. Наряду с гражданами и прокурорами, это органы государственной власти, местного самоуправления, обще-

ственные объединения, должностные лица (ч. 2. ст. 46)⁸. В отличие от Российской Федерации законы Туркменистана исключают прозрачность государственных органов и возможность общества их контролировать. Не предусмотрена также возможность обращения граждан в международные инстанции.

Следует также упомянуть полномочие высших судов Туркменистана вести правовую пропаганду и официально толковать законы, подзаконные акты (не в рамках рассмотрения конкретного дела). Изданные по определенным вопросам разъяснения Пленума Верховного Суда Туркменистана обязательны как для судов, так и других организаций, должностных лиц, применяющих закон, по которому даны разъяснения (ч. 3 ст. 41 Закона Туркменистана «О суде»), то есть имеют нормативную силу. Но это полномочие не позволяет судам заполнять пробелы, оставленные законодателем, а также компенсировать тот факт, что краткие решения судов не могут использоваться как прецеденты⁹. Функции нормотворчества в законодательстве Туркменистана не признаются за судебной властью.

На таком специфическом фоне ранее «возвышалась» неординарная роль Халк Маслахаты¹⁰ (Народного совета) в судебной системе Туркменистана, просуществовавшего до 2008 г. в качестве «квази-парламента». Статья 48 Конституции в редакции от 2003 г. закрепляла за Халк Маслахаты право «объявления отдельных неправовых деяний действиями по измене Родине, объявления изменниками Родины лиц, признанных виновными и осужденных за совершение таких деяний, и решения вопроса о разрешении применения к ним исключительной меры наказания в виде пожизненного лишения свободы»¹¹. Отметим также, что Халк Маслахаты к подобным судебным процессам был причастен еще в конце 2002 г., в период активизации следственных действий в связи

⁷ Закон «О прокуратуре Туркменистана» № 339-VI (новая редакция) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2015. № 4. Ст. 139.

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 28.04.2022).

⁹ Обзор судебных систем стран Центральной Азии / Г. Диков, Э. Талапина, Л. Юрсена и др. М.: Юриспруденция, 2015. С. 46–47.

¹⁰ С 2021 г. Халк Маслахаты — верхняя палата реформированного парламента Туркменистана (Милли Генгеша).

¹¹ Конституция Туркменистана (с изменениями и дополнениями от 15.08.2003). URL: <http://proekt-wms.narod.ru/states/turkmen-konst.htm> (дата обращения: 30.04.2022).

с покушением на жизнь первого Президента Туркмении С.А. Ниязова (Туркменбаши)¹².

В контексте рассмотрения судебной практики как источника права декларативным представляется положение ч. 1 ст. 49 Закона Туркменистана «О суде» об издании Верховным Судом не менее двух номеров в год журнала «Верховный Суд Туркменистана» для официального опубликования научных, популярных, дискуссионных материалов, освещающих деятельность Верховного Суда, а также других правоприменительных и правоохранительных органов. В реальности журнал с таким или близким названием не издается, его редакции не существует. Более того, в Туркмении не было прецедента судебного разбирательства в отношении СМИ, поскольку их деятельность находится под полным контролем властных структур. Отдельные же инциденты, связанные с закрытием (лишением лицензии) журналов и газет, решаются во внесудебном порядке.

Следует также упомянуть о действующем интернет-сайте «Верховный Суд Туркменистана»¹³, где сведений о судебной практике не найти. Из данного ресурса можно почерпнуть информацию касательно содержания действующих кодексов Туркменистана, краткой истории его судов. В новостной ленте вся информация посвящена исключительно внутренней и внешней политике, проводимой главой государства. Напротив, в Российской Федерации согласно ст. 14 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (последняя редакция) информация, размещаемая в сети «Интернет», позволяет гражданам и всем заинтересованным лицам многосторонне изучать разнообразную практику судов Российской Федерации, вплоть до их решений¹⁴.

Есть в правотворческой деятельности судов Туркменистана и другие трудности, вызванные пролонгацией жесткого авторитарного политического режима, монополий власти правящих лидеров, невозможностью воздействовать на другие государственные органы. Непреодолима зависимость судеб-ского корпуса предопределяется тем, что

суды всех уровней, за исключением Верховного Суда Туркменистана, создаются и упраздняются Президентом Туркменистана (ст. 15 Закона Туркменистана «О суде»), а сами судьи назначаются на должность сроком на 5 лет и освобождаются от должности лично Президентом (ст. 54) с возможной пролонгацией полномочий в случае лояльности исполнительной власти. Количество судей всех судов Туркменистана также определяется Президентом, но по представлению председателя Верховного Суда (ст. 135).

Поскольку исполнительная власть, согласно ст. 91 Конституции, возглавляется самим Президентом Туркменистана, данный факт порождает опасность следования некоторыми судьями политической конъюнктуре — осуждению на длительные сроки «неугодных» для власти предержащих лиц. К такому неутешительному выводу пришли независимые эксперты Комитета по правам человека ООН еще в марте 2012 г.¹⁵, настоятельно рекомендовавшие Туркменистану сделать все необходимое для обеспечения независимости судебной системы, стабилизировать пребывание судей в должности, исключить их административную и иную связь с исполнительными органами¹⁶.

Следует упомянуть и о более актуальных данных — результатах подсчета в 2021 г. Индекса демократии (Democracy Index или ID), осуществляемого ежегодно исследовательским отделом британской частной компании Economist Group. Согласно этим данным, из 167 стран по таким возможным вариантам, как «полная демократия», «ущербная демократия», «гибридный режим» и «авторитарный режим», Туркменистан набрал 1,72 балла и занял 162-е место, соответствующее позиции «авторитарный режим». Этот результат оказался самым высоким среди пяти постсоветских центрально-азиатских республик. Идентифицируя авторитарный режим, британские эксперты анализировали следующие признаки: нарушения и злоупотребления гражданскими свободами; тотальное огосударствление СМИ; подавление всякой правительственной критики;

¹² OSCE Rapporteur's Report on Turkmenistan (ru) Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/18373> (дата обращения: 30.04.2022).

¹³ Верховный Суд Туркменистана. URL: <https://court.gov.tm/ru/news> (дата обращения: 30.04.2022).

¹⁴ Лобанова Ю.В. От телевидения к Интернету: открытая стратегия коммуникации // Управление мегаполисом. 2011. № 2. С. 132.

¹⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 30.04.2022).

¹⁶ Туркменистан: разгромное заключение Комитета ООН по правам человека свидетельствует о необходимости срочных мер. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1333439160> (дата обращения: 30.04.2022).

зависимость судебной власти от законодательной и исполнительной. Однако в точности и непогрешимости показателей Индекса демократии можно усомниться хотя бы потому, что ID 2021 г. отвел России 124-е место (3,31 балла) и также «авторитарный режим»¹⁷.

Анализ деятельности судебной системы Туркменистана позволяет отметить отсутствие в ее иерархии Конституционного Суда или его аналога. Одна из главных причин — фактическое слияние всех ветвей государственной власти в полномочиях главы государства, несмотря на конституционное признание их разделения. Соответствие нормативных правовых актов органов государственной власти Конституции определяется Меджлисом Туркменистана (нижней палатой Парламента, п. 10 ст. 81 Конституции Туркменистана), находящимся под жестким контролем Президента. Данный факт вступает в противоречие с доктриной разделения властей, поскольку только независимый контроль может гарантировать конституционность. Отметим также неотработанность процедурных норм обращения в Парламент

с запросами конституционного характера, невозможность для оппозиции участвовать в обсуждении конституционных вопросов, неподготовленность граждан в принятии осознанных политических решений посредством выборов и другое.

Таким образом, несмотря на провозглашение Конституцией и законами Туркменистана принципов разделения властей, независимости и подчинения судей закону, а также иерархическое построение судебной системы, единообразие применения судебной практики и т.д., в деятельности туркменских судов отсутствуют правотворческие полномочия. Для судебной власти, лишенной функции конституционного контроля, недопустимо осуществление юрисдикционных функций: разрешение споров о нарушенном праве посредством воздействия на другие органы государственной власти, отмена решений Президента, возвышающегося над всеми ветвями власти. Данное обстоятельство формализует существование третьей ветви государственной власти в стране. Независимость судебной системы, ее подчинение закону так же, как и руководство внутренним убеждением при принятии судебных решений и т.д., выступают в данном государстве пока лишь декларативными заявлениями.

¹⁷ Индекс демократии стран 2021. URL: <https://num.radiosit.ru/indexes/indexs-demokratiistran-2021.html> (дата обращения: 29.04.2022).

Литература

1. Боботов С.В. Судебная практика Конституционного Суда РФ по вопросам обеспечения конституционных принципов федерализма / С.В. Боботов // Юридический консультант. 1998. № 2. С. 68–72.
2. Гильманов И.М. Анализ подсудности судов первой инстанции Туркменистана / И.М. Гильманов, М.М. Гильманов // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 8 (61). С. 97–101.
3. Жилкин М.Г. Понятие, происхождение, правовая природа правоположений и их роль в правовом регулировании / М.Г. Жилкин // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 73–78.
4. Казанцев С.М. Проблема единообразия судебной практики в Российской Федерации / С.М. Казанцев // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3. С. 162–172.
5. Лобанова Ю.В. От телевидения к Интернету: открытая стратегия коммуникации / Ю.В. Лобанова // Управление мегаполисом. 2011. № 2. С. 129–132.
6. Малиновский А.А. Судебная практика как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) / А.А. Малиновский // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 3. С. 3–7.
7. Ногичев А.В. Судебная практика и судебный прецедент: проблемы единства соотношения и применения / А.В. Ногичев // E-Scio. 2019. № 10 (37). С. 98–102.
8. Обзор судебных систем стран Центральной Азии / Г. Диков, Э. Талапина, Л. Юрсена [и др.]. Москва : Юриспруденция, 2015. 328 с.
9. Петрунин Н.В. Судебная практика как источник права / Н.В. Петрунин // Юридический факт. 2018. № 29. С. 80–82.

COURT ADMINISTRATOR 3

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the RF for publication of basic results of candidate and doctoral dissertations

Founder: Grib V.V.

2022

Registered at the Federal Service for the Monitoring of Compliance with the Legislation in the Sphere of Mass Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-81908 of September 24 2021.
Published since 2006.

Contents

JUDICIAL PROCEEDINGS

- A.O. Baydaeva.** Peculiarities of Cassation in Administrative Proceedings..... 2
L.N. Rakitina. Electronic Judicial Proceedings in a Civil Procedure 5
Yu.A. Lukonina. Digital Communication in a Civil Procedure as One of the Integral Segments of Exercising of Justice in Civil Cases..... 9

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- D.E. Kulchikov.** Criteria for Non-Existence of a Loan Agreement: Ways of Modernization of the Legal Regulation and Harmonization of the Judicial Practice..... 13
A.N. Nugmanova. Legal Guarantees of Rights of Foreign Investors 16
E.V. Mikhaylova. On the Procedural Form of Review of Labor Disputes 20
N.V. Poyan. Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Civil Law Source..... 24

THE JUDICIARY

- N.A. Kolokolov.** Pitfalls of Proceedings Involving Judges Accused of Abuse of Powers (Part 2, Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation)..... 29
N.V. Romanenko. Standards of Legal Liability of Judges: Evolution of Russian Laws (on the 30th Anniversary of the Law of the Russian Federation On the Status of Judges in the Russian Federation) 35

HISTORICAL ROOTS

- N.A. Mekhrentseva, Z.A. Papulova.** Russian Judicial Law (the Historical Aspect) 40

FOREIGN EXPERIENCE

- V.A. Ilyukhina.** An Inter-Branch Principle of the Language of Judicial Proceedings in Russian and Armenian Law (the Comparative Analysis) 44
I.I. Aminov. The Judicial Practice Status in the System of Law Sources in Turkmenistan 49

Editor in Chief:

Slyusar' N.B., PhD (Law)

Chief-editor:

Babkin A.I., professor

Editorial Board:

Goloshumov E.V., PhD (Political Science)

Kolokolov N.A., LL.D., professor

Truntsevskij Yu.V., LL.D., professor

Fokov A.P., LL.D., professor

Sherstyuk V.M., LL.D., professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, Honored lawyer of the RF, academician of the RAE

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,

Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 multichannel

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial Office: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Address editors: Bldg. 7, 26/55,

Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035,

Tel. (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

For the attention of our authors!

Certain materials of the journal may be placed at the electronic ConsultantPlus reference legal system.

The Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Complete or partial reproduction of materials without written permission of the editorial office or authors of the articles shall be prosecuted in accordance with law. Free market price.

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0.

Conventional printing sheet 5,0.

Circulation 3000 copies.

ISSN 2072-3636.

Passed for printing 02.08.2022.

Publication 11.08.2022.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031

Tel. (4842) 70-03-37

Peculiarities of Cassation in Administrative Proceedings

Anzhelika O. Baydaeva, Extramural Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Administrative Proceedings of the Russian State University of Justice

In this article, the author considers and analyzes the changes in the system of courts of general jurisdiction, compares the stage of cassation appeal in civil and administrative proceedings.

Keywords: courts of general jurisdiction, court system, cassation proceedings, cassation courts, the Supreme Court of the Russian Federation.

Electronic Judicial Proceedings in a Civil Procedure

Lyubov N. Rakitina, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Civil Procedure of the Ulyanovsk State University, PhD (Law), Associate Professor

The civil procedural legislation of the Russian Federation establishes a judicial procedure for the consideration and resolution of civil cases in order to protect violated or disputed rights, freedoms and legitimate interests of citizens, organizations and other entities. An analysis of the specific norms of existing legislation, judicial practice and the positions of scientists shows some divergence in approaches to the rules of electronic court proceedings that are being successfully implemented today.

In order to systematize these rules, it is proposed to analyze and clarify the existing legislative and theoretical options for using information (digital) technologies in civil proceedings.

Keywords: electronic justice, electronic court procedure, civil proceedings, court proceedings, videoconferencing system, web conference.

Digital Communication in a Civil Procedure as One of the Integral Segments of Exercising of Justice in Civil Cases

Yulia A. Lukonina, Senior Lawyer at ZNAKOV Company Intellectual Property Agency, Lecturer of the Department of Civil Procedure Law of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice

The article deals with the transformation of individual segments of the civilistic procedural form on the example of the communication of the subjects of the civilistic process. The author analyzes the innovations of digital communication in relation to three aspects of the interaction between the persons participating in the case and the court as an obligatory subject of procedural relations. First of all, digital innovations in the communication of the parties are noted, namely the possibility of electronic exchange of legally significant messages using e-mail and instant messengers. Based on judicial practice, the electronic correspondence of the parties is considered by the author as appropriate evidence in the case. Secondly, the author appeals to the interdepartmental interaction of state bodies at the electronic level. Particular emphasis is placed on the possibilities of the judicial system to send requests to state bodies in electronic form. The author proposes to similarly expand the scope of electronic-digital interaction within the judicial system. Thirdly, the author touches upon the horizontal "court — participants in the civil process". In this regard, the dialectic of digital innovations in the civil procedural relations of the court and the persons involved in the case is considered. Elements of electronic document management come to the fore. Innovations of 2022 are also noted, related to the possibility of submitting documents through the portal "Gosuslugi", it is noted that the legislator has carried out legal regulation of the procedure for notifying participants in the trial using technical means of communication. The author draws attention to novelties of remote consideration and resolution of civil cases using web conferences.

Keywords: civil procedural form, digitalization, electronic document management, electronic notification, video conferencing, web conferences.

Criteria for Non-Existence of a Loan Agreement: Ways of Modernization of the Legal Regulation and Harmonization of the Judicial Practice

Dmitry E. Kulchikov, Lecturer of the Department of Civil, Legal and Economic Disciplines of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, PhD (Law)

The article provides a systematic analysis of current legislation, generally accepted judicial practice and various doctrinal approaches to criteria for recognizing a loan agreement as not concluded.

As a result of the study, it is proved that a valid loan obligation and its terms must be confirmed not only by admissible (written) evidence directly reflecting its subject matter, subject matter and document certifying receipt of the loan, but also by the actual actions of the lender to transfer the subject of the contract to the borrower.

Currently, there is a unified judicial practice of recognizing a loan agreement as not concluded in case of violation of the essential conditions on the subject of the obligation, the absence of evidence of the conclusion of the contract or the transfer of the loan, as well as other conditions that the parties to the contract referred to as essential (the legal criterion of non-conclusion of the contract).

Keywords: loan agreement in electronic form, electronic digital signature, objects of civil rights, digital title signs, borrower, lender, debtor, creditor, non-conclusion of the loan agreement.

Legal Guarantees of Rights of Foreign Investors

Alia N. Nugmanova, Postgraduate Student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The purpose of the study is to analyze the international and national rights of foreign investors in the territory of the recipient states. As a working hypothesis, we put forward the proposition that the effectiveness of guarantees of the rights of international investors directly depends on the provisions of the treaties adopted by the recipient states. The results of the study are the provisions that, in order to ensure the protection of ongoing investment activities, international investors are empowered to apply to specialized bodies to resolve the conflict. At the same time, the list of these organizations is limited, since their activities apply only to the states that have adopted this regulatory legal act, which makes it difficult for foreign investors to exercise their rights.

Keywords: legal relations in the field of investments, foreign investors, rights and interests, legal guarantees, international treaties and agreements.

On the Procedural Form of Review of Labor Disputes

Ekaterina V. Mikhaylova, Acting Head of the Department of Procedural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, LL.D., Associate Professor

The article deals with the problem of determining the proper procedural form of protection of labor rights. It is substantiated that the nature of the violated right, which may be private or public, determines the applicable procedural order for the consideration and resolution of the relevant case. Labor relations are characterized by a public law principle, which distinguishes them from civil law relations. It is concluded that labor disputes should be considered according to the rules of administrative proceedings and cannot be referred to arbitration courts.

Keywords: labor disputes, civil litigation, administrative litigation, arbitration.

Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Civil Law Source

Natalia V. Poyan, Postgraduate Student of the Law Institute of the Sevastopol State University

This issue is relevant both from a theoretical and a practical point of view. But before giving an answer to it, it is necessary, in my opinion, to define the concept of source of law. It is advisable to consider the source of law from the point of view of a sociological-anthropological approach based on dialogical ontology and methodology. According to this approach, a person acts as an essential element of legal reality, which includes three interdependent dimensions: norms, legal consciousness and the rule of law.

Keywords: the Constitutional Court of the Russian Federation, orders, federal constitutional law, Constitution of the Russian Federation.

Pitfalls of Proceedings Involving Judges Accused of Abuse of Powers (Part 2, Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Nikita A. Kolokolov, Head of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial and Investigative Activities of the Griboyedov Moscow University, LL.D., Professor

The reader is offered a brief analysis of the course of proceedings against judges accused by the preliminary investigation bodies of exceeding their official powers. Individual elements of the tactics of bringing charges and defense are investigated and evaluated.

Keywords: criminal proceedings against judges, initiation of proceedings, its features, prosecution and defense tactics.

Standards of Legal Liability of Judges: Evolution of Russian Laws (on the 30th Anniversary of the Law of the Russian Federation On the Status of Judges in the Russian Federation)

Natalya V. Romanenko, Associate Professor of the Department of Judicial Activities and Criminal Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, PhD (Law)

The article written by the results of a study conducted on the facts of bringing judges to criminal liability. The author emphasizes the problem of moral qualities of judges, in respect of which the prosecution analyzed the cases of election of conduct unworthy of the high status of a judge. Based on these results the author formulates proposals on improvement of the judicial ethics legislation.

Keywords: inviolability of the judges, the prosecution judges, the status of judges, judicial ethics.

Russian Judicial Law (the Historical Aspect)

Natalya A. Mekhrentseva, Associate Professor of the Department of Judicial Activities and Criminal Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, PhD (Law)

Zoya A. Papulova, Associate Professor of the Department of Judicial Activities and Criminal Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, PhD (Law)

This article is offers the essay about the most important guidelines of judicature. Authors look at their subject and influence by way of historical and theoretic comparison. Furthermore, represented several conclusions about their importance for practical jurisprudence.

Keywords: justice system, judicature, proceedings, guidelines of judicature, evolution of justice system.

An Inter-Branch Principle of the Language of Judicial Proceedings in Russian and Armenian Law (the Comparative Analysis)

Vera A. Ilyukhina, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the FPS of Russia, Senior Research Scientist of the Research Center of the Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD (Law), Associate Professor

The article provides a comparative analysis of the principle of the language of judicial proceedings in modern Russian and Armenian law. The author comes to the conclusion that the essence of the constitutional intersectoral procedural principle of the language of legal proceedings lies not only in the fact that legal proceedings and records management are conducted in the courts in the state language, but also in the guarantees provided to persons who do not speak this language. There is a common and special feature in the consolidation of the principle of the language of judicial proceedings in Russian and Armenian legislation.

Keywords: principles of law, the principle of the language of legal proceedings, intersectoral principles of law, comparative research, Russian law, Armenian law.

The Judicial Practice Status in the System of Law Sources in Turkmenistan

Ilya A. Aminov, Associate Professor of the Department of Humanities of Moscow Polytechnic University, the applicant of MGIMO University, PhD in Psychological Sciences, PhD in Legal Sciences, Associate Professor

In the context of the approaches existing in legal science to understanding the role of judicial practice in the system of sources of law, its significance in the process of additional rulemaking, it is concluded that the activities of the Turkmen courts do not include legal educational powers. The main reason is seen in the absence of the function of influencing other branches of government when resolving disputes about violated rights. It is concluded that this circumstance formalizes the existence of the third (judicial) branch of state power. The independence of the judicial system, its subordination only to the law, the guidance of internal conviction in making judicial decisions and other fundamental principles of judicial proceedings in Turkmenistan are statements addressed not to the present, but rather to the future state of its legal system.

Keywords: court, judicial practice, judicial precedent, legal establishment, rulemaking, law enforcement, states of continental law.